

Любовь Воробьева

КРЫЛАТАЯ

Хранитель Искры

Любовь Воробьева

Крылатая. Хранитель Искры

«Автор»

2025

Воробьева Л.

Крылатая. Хранитель Искры / Л. Воробьева — «Автор», 2025

Что делать, если по какой-то неведомой причине ты родилась крылатой? Да еще живешь в самом обычном провинциальном городке под Петербургом? Ясное дело — прятаться от посторонних взглядов, лишь из окна наблюдая за жизнью, что проходит мимо. Но от судьбы не спрячешься. Она меня нашла — и за шкуру вытащила из привычного крошечного мирка в мир большой, полный тайн и чудес. Там мои крылья — не ошибка природы, а ключ к силе. Там я — последний хранитель древнего дара, способный исцелить смертельную рану в полотно мироздания. Там — мое место. Вот только моя пробудившаяся сила едва не разрушила этот мир ко всем чертям. Теперь я для него смертельно опасна. Неужели мне суждено снова стать изгоем? Первая часть дилогии "Крылатая". Психологическая сказка для взрослых. Иллюстрация на обложке - автора

© Воробьева Л., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Букет вереска	5
Глава 2. Болото	13
Глава 3. Правда	19
Глава 4. Подарок	26
Глава 5. Чужак	35
Глава 6. Точка	42
Глава 7. Сумеречная тропа	47
Глава 8. Полет	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Любовь Воробьева

Крылатая. Хранитель Искры

*Я просто нить.
Всего лишь нить,
Но мне дано вплетать себя
В полотна мирозданий
И добавлять свой вкус, оттенок, грань
В картину бытия.
Не будь меня –
не обеднеет ткань,
но обеднею я —
На целый мир,
Мной не сплетенный мир
Из тысячи цветов,
Оттенков,
Граней*

Глава 1. Букет вереска

Таких, как я, больше нет. И я не знаю, были ли когда-то. Диковинка, нелепая ошибка природы, а, может быть, даже чудовище? Я до сих пор не знаю, кто же я есть на самом деле. Но ясно одно: к тем, кто отличается от других, люди относятся с опаской, а порой высмеивают и презирают. Быть не таким, как все, в человеческом мире – незавидная судьба. Но она у меня как раз такая. Взбалмошная, сумасбродная злодейка, с которой мне никак не удастся сладить.

Нет, меня, конечно, не сожгут на костре – мне посчастливилось родиться в цивилизованном мире в самом начале третьего тысячелетия. Но я даже думать не хочу, во что превратилась бы моя жизнь, узнай кто-нибудь, что именно я скрываю под несколькими слоями одежды и огромным шарфом, когда выхожу на улицу.

Громкое пикивание звонка заставило меня вздрогнуть и отогнать прочь мрачные мысли. Сегодня не время грустить! Сегодня особенный день.

Отложив в сторону ноутбук, за которым провела уже добрых три часа, я довольно потянулась и забралась на подоконник. Отсюда, со второго этажа нашего дома, было прекрасно видно, как молодой парнишка-курьер выгружает несколько объемных пакетов из багажника своего старенького автомобиля. Автоматические ворота раскрылись, и парень понес мои подарки к крыльцу.

Мои подарки! От самого этого сочетания слов на душе становилось тепло, и предвкушение праздника заставляло сердце биться чаще. Я решила, что сегодняшний день непременно должен стать не похожим на все остальные, и потому устроила себе праздник.

Мой двадцать первый день рождения. Полное и окончательное совершеннолетие. Я улыбнулась и вприпрыжку понеслась вниз по деревянной лестнице, по пути, словно мантру, шепча благодарности. Боже, благослови курьеров! Если бы в нашем городке несколько лет назад не появилась служба доставки, моя жизнь была бы гораздо труднее.

Осторожно выглянула на улицу, накинула на плечи плед и, убедившись, что курьер уже садится в машину, а ворота начали медленно закрываться, пошире распахнула дверь. За порогом меня ждали бережно упакованные вкусности из любимого ресторана в фирменных бумажных пакетах и даже большой торт, хотя я совсем не люблю сладкое. Но торт – это свечи, а свечи – это ощущение чуда, которого я желала больше всего на свете.

Даже больше того, чтобы стать самым обычным человеком.

Я уже наклонилась за пакетами, как вдруг замерла, похолодев от ужаса.

– Подождите!.. – раздался голос, и я резко выпрямилась. Створки ворот еще не до конца сомкнулись, и между ними показался курьер. В руках он держал бутылку, завернутую в крафтовую бумагу.

– Простите, чуть не забыл! – крикнул он и поспешил по садовой дорожке в мою сторону.

«Только не это», – испуганно пробормотала я. Захотелось малодушно спрятаться за дверь, но я заставила себя застыть на месте: стоит только повести себя странно, как по городу поползут новые слухи. А мне и со старыми жилось ой как не сладко.

Мой незваный гость приближался, и на его лице отчетливо проступало все большее удивление, смешанное с любопытством. Смотрел он при этом не на меня, а за мою спину.

Ох, вот же черт!

Когда я наклонялась за пакетами, плед съехал с плеч, а я и не заметила. Как же не вовремя! Стараясь, чтобы это выглядело максимально естественно, я вернула плед на место и старательно изобразила приветливую улыбку. «Вот дуреха!» – мысленно ругала себя. Поддавшись радостному волнению, я совсем забыла о предосторожности. Попалась, как глупая девчонка! Сплетен теперь точно не избежать. И это в лучшем случае. В худшем – люди узнают мою тайну.

Время будто остановилось, сердце гулко забилось о ребра. Вот сейчас этот человек подойдет совсем близко, убедится, что ему не показалось, и его удивленный взгляд сменится сочувствующим, «понимающим», а быть может, брезгливым. Или – что еще хуже – испуганным.

Но курьер лишь смущенно опустил глаза и пробормотал:

– Это комплимент от ресторана. Ко дню рождения. – Он протянул бутылку, деликатно посмотрев куда-то мимо меня. – Вино... Наше фирменное.

– Спасибо, – пролепетала я хриплым голосом и крепче прижала свой злосчастный подарок к груди, чтобы дрожь в руках была не слишком заметна.

– Извините еще раз. Всего хорошего! И с днем рождения! – сказал парнишка и размашистым шагом пошел прочь. Через пару-тройку метров обернулся, помялся в нерешительности и все-таки произнес:

– Крутые крылья. Совсем как настоящие. Вы прямо ангел! – робко улыбнулся и поспешил за ворота.

– Спасибо, – повторила шепотом ему вслед.

Стояла, не двигаясь, пока створки не закрылись окончательно, и только тогда позволила себе выдохнуть.

Похоже, парень решил, что я всего лишь сумасшедшая девчонка, которая разгуливает по дому в карнавальных крыльях. Ну и пусть. Пусть лучше меня считают ненормальной, пусть смотрят с жалостью и презрением. С этим уж я как-нибудь справлюсь. Не впервой. Главное – чтобы никто не узнал, что мои крылья – никакая не бутафория.

Они у меня самые настоящие.

В этом-то и беда.

Оказывается, родиться крылатой – это не всегда счастье. Особенно, если среди людей ты такая одна, с огромными крыльями серо-жемчужного цвета, бестолково торчащими из-под любой, даже самой мешковатой, одежды.

Это только герои сказок всю жизнь пользуются своим «крылатым положением», которое выгодно отличает их от других. Но я больше всего на свете хотела не отличаться! Хотела не прятаться в полумраке пустынных улиц, отправляясь на редкие прогулки, не кутаться в некрасивую, бесформенную одежду, чтобы скрыть свою непохожесть. Хотела не наблюдать из окна за тем, как другие девушки в невесомых платьях наслаждаются зноем и свободой, – а самой напиваться вдоволь ласковым летним солнышком, несчастным гостем в нашем северном городе.

Хотелось бродить по шумным улицам без вечного страха, дышать полной грудью, ощущая себя не изгоем, а частью этого мира. Но я по-прежнему оставалась чужой. Чужой и никому не нужной.

«Вообще-то у меня есть мама! – осадил я себя, сердито подхватывая пакеты. – Самая лучшая на свете. Мой родной человек и дорогой друг, который стоит целого мира. А теперь есть еще и любимая работа!»

Перед тем, как зайти в дом, я напоследок окинула взглядом дорожку, ведущую к воротам. «Крутые крылья» – ну надо же!» – фыркнула я, улыбаясь.

И ошеломленно уставилась на крыльцо.

Это что еще за чудеса?

На перилах лежали цветы. Да еще какие! Букет розового вереска, перевязанный белой лентой. Цветущий вереск – в сентябре?!...

Я озадаченно огляделась. Как он сюда попал? Кто его принес? Как этот «кто-то» смог пробраться через забор? В руках у курьера я однозначно видела только пакеты, а потом и бутылку вина. Знакомых в городе у меня не имелось, тем более – поклонников, а мама бы ни за что не оставила цветы вянуть на крыльце – даже во имя приятного сюрприза.

Цветы. Ну надо же!

Осторожно протянула к ним руку, бережно прижала к груди. Настоящие! Не привиделось, не показалось. Вот так подарок!

В том, что это был подарок именно для меня, я даже не сомневалась.

Вереск, дикий, вольный, неприхотливый, вечнозеленый, упоительно пахнущий сосновым лесом, мшистым болотом, озерной водой и неопикуемой сладостью, был моим любимым цветком, милее любых, даже самых роскошных роз. Потому что для меня он пах *моим* лесом, *моим* болотом и *моей* озерной водой. Они становились моими в холодную безрадостную погоду, что вынуждает случайных прохожих прятаться по домам. В такие безлюдные дни я смело отправлялась на велосипеде на озеро, где на высоком утесе стояли вековые сосны с обнаженными корнями. Укрывалась под ними, как под навесом, если лил дождь, или же сидела сверху, прислонившись к шершавому теплому стволу, наблюдала за гладью воды и отраженными в ней облаками. Или же гуляла по краю болота, расположенного поблизости, впитывая его тишину и восхищаясь его величием.

Тогда, в эти благословенные промозглые дни, на короткие минуты или часы *моим* становился даже город. Спрятавшись под покровом огромного плаща, я бродила по зябким улицам, любовалась миром вокруг, вдыхала его ароматы, слушала его голоса. Покупала стаканчик горячего пряного чая в автолавке и, грея о него руки, тайком рассматривала прохожих, наблюдала во все глаза, как рядом со мной протекает, проносится, шурша, звеня и хлюпающая, жизнь.

И вот сегодня жизнь пришла ко мне на порог сама – загадочным подарком от неведомого доброжелателя.

Зарывшись носом в россыпь крошечных розовых цветков, я вдохнула любимый аромат, блаженно зажмурилась и наконец зашла в дом. Вместе с вереском в него проникло сладостное предвкушение чего-то очень хорошего, смутной надежды, обещания, невесомого, как едва уловимый поцелуй в макушку.

Оставила бутылку вина на столе – пригодится для наших с мамой кулинарных экспериментов. Поднялась к себе в комнату, поставила букет в вазу и принялась распаковывать угощения. Сегодня мне хотелось дерзко нарушать правила, и потому я решила пообедать прямо за своим рабочим столом, а не как обычно, внизу, в гостиной. И первым делом – задуть свечи (ровно двадцать одну свечу, слепленную моими собственными руками!), а потом уже есть горячее.

– Хочу стать обычным человеком, – прошептала я заветное. Задумалась на секунду, добавила: – И найти свое место в этом мире, – и разом задула все трепещущие огоньки. Довольно

прищурилась: значит, точно сбудется! Улыбнулась своему отражению в оконном стекле напротив. На меня смотрела хрупкая девушка с длинными пепельно-русыми волосами, собранными в хвост, с крупными серыми глазами на бледном лице и серо-жемчужными крыльями в тон,avorato выглядывающими из-за спины.

Распахнула окно и подставила лицо ветру, согретому на удивление горячим сентябрьским солнышком.

Наш старенький деревянный дом, обнимаемый с двух сторон лесом, стоял на холме на самом краю маленького городка в нескольких десятках километров от Петербурга и своими причудливыми архитектурными формами выделялся среди других. Построенный в начале прошлого века неизвестным ценителем русского деревянного модерна, дом был увенчан шестигранной башенкой с остроконечной крышей, окна которой выходили сразу на три стороны: на тупиковую улицу, носившую романтическое название Лесная аллея, на сам лес и на наш сад, окруженный высоким глухим забором.

Башенка была продолжением моей комнаты и моим самым любимым местом в доме, откуда открывался потрясающий вид на город со всеми его извилистыми узкими улицами и симпатичными двух-трехэтажными домами. Я каждый день забиралась на подоконник и подолгу наблюдала, как спешили по своим делам прохожие, неторопливо прогуливались парочки и на все голоса звенели шумные стайки птиц и ребятни.

Мое одиночество уже давно перестало отдавать горечью, я успела смириться с тем, что человеческий мир никогда не примет меня такой, какая я есть, и приноровилась разыскивать другие причины для радости. Душу мою согревали теплые неспешные беседы с мамой и книги, которые я поглощала в огромном количестве с тех пор, как выучилась читать, и из которых узнавала о жизни. А теперь вот (да здравствует технический прогресс!) еще одной моей отдушиной стала любимая работа, и я каждый день с головой погружалась в пучину чужих слов и смыслов – переводила художественные произведения на русский язык, тем самым, как смела надеяться, дарила им еще одну жизнь.

Привычно устремившись взглядом в залитую солнцем даль, я с наслаждением вдохнула доносящиеся до меня запахи сырости, мха, опавших листьев и влажного асфальта. И услышала чуть хриплый, явно мужской голос:

– Пожалуйста, помоги!

Нахмурившись, я поплотнее завернулась в плед и высунулась из окна. Внимательно огляделась, цепким взглядом просмотрела все закутки нашего сада, каждый метр дороги. Прислушалась, вглядываясь в окна соседних домов. Тишина, и вокруг – ни души. Только над домом высоко в небе парил ястреб, высматривая добычу. Я пожалала плечами: наверняка послышалось. Или это просто ветер донес до меня обрывки чужих разговоров, а я, безнадежно застрявшая в своих четырех стенах посреди непозволительно теплого сентября, наивно принимаю их на свой счет.

Но вдруг тот же голос отчетливо произнес:

– Tea!

От звука моего имени дрогнуло сердце. Никто, кроме мамы, не знал, как меня зовут. По спине пробежали мурашки – странные, горячие, обжигающие, будто бы у меня прямо под кожей взметнулось пламя. Но на улице опять никого не было видно.

Встревоженно вздохнув, я уже собиралась закрыть окно, как вдруг заметила, что снаружи дома на подоконнике, в самом углу, нахохлившись, сидела сова. Очень большая и очень красивая: бело-бурые, словно нарядные, перья, изящно окаймленная темной полосой голова, черный маленький клюв и ярко-желтые, будто бы подведенные черной краской, глаза. Они смотрели прямо на меня, осмысленно и твердо. А я ахнула: левое крыло совы было неестественно вывернуто в сторону, а перья забрызганы алыми пятнами.

Медленно, чтобы не спугнуть птицу, я протянула к ней руку. Сова, на удивление, послушно забралась на мою ладонь. Осторожно, стараясь не задеть крыло, я перенесла ее с улицы в дом, посадила на стол и закрыла окно. Теперь можно было спокойно рассмотреть мою гостью.

Крыло у нее, похоже, было сломано, и с такой раной в дикой природе она долго не проживет. Необходимо было как можно скорее доставить ее к врачу, но для этого придется дожидаться, пока мама придет с дежурства. А это случится не раньше одиннадцати вечера, когда все уже будет закрыто. Заявиться в ветеринарную лечебницу крылатой?... Нет уж, на такие подвиги я пока была не готова даже в самых смелых фантазиях!

Мучимая уколами совести, я расчистила стол от еды, села напротив птицы и виновато пробормотала:

– Придется немного подождать, милая.

– «Милый», – поправил меня приятный баритон.

Я вздрогнула и отшатнулась.

– Не «милая», а «милый», – снова сказал кто-то.

Мне оставалось только молча хлопать глазами.

– Это ты говоришь? Сова? – Я ошалело уставилась на птицу, а она не сводила с меня внимательных глаз.

– Да, это говорю я. Сова. Меня зовут Вереск.

Внешне было совсем незаметно, что сова произносит слова, но я, тем не менее, ее ясно слышала! Ее голос звучал внутри меня, где-то в области моего сердца. То есть *его* голос, ага!

– Спасибо, Теа. Я надеялся, что ты меня услышишь.

Ох... Значит – Вереск. Снова вереск! Я ошарашено откинулась на спинку кресла и закрыла ладонями лицо. Оказывается, когда чудеса врываются в твою жизнь, это не всегда напоминает щекотание бабочек в животе. Иногда появление чудес больше похоже на удар обухом по голове, и требуется время, чтобы прийти в себя. Лишь спустя несколько мгновений я вспомнила, что передо мной находится не просто говорящая птица, но в первую очередь – раненая, и ей нужна моя помощь. Это помогло мне нащупать почву под ногами. Я собралась с мыслями и медленно, едва дыша, проговорила:

– Хорошо, Вереск. Давай пока промоем твои раны.

Вопросы о том, откуда он знает мое имя, каким образом я понимаю его речь и что вообще все это значит, я собиралась обязательно задать, но чуть позже. Сейчас же первоочередной задачей было попытаться помочь, пока я не грохнулась в обморок от избытка эмоций.

Вереск как-то странно на меня посмотрел и нахохлился.

– Мне надо домой, – поколебавшись, сказал он. – Там мне помогут.

И я выдохнула с облегчением: ждать маму и мучиться угрызениями совести больше не требовалось, да и сам поход к ветеринару, похоже, отменяется.

– А где твой дом? Далеко отсюда? Я могла бы тебя туда отнести, – предложила я. Уж по лесу-то, который начинался за нашим садом, мы с ним, даже крылатые, вполне могли бы пройти незамеченными.

Его темные глаза внимательно изучали меня, я невольно опустила взгляд, смутившись от явственного ощущения, что меня просматривают насквозь. Потом Вереск наконец произнес:

– Я живу за озером, на Старом болоте.

Я посмотрела в окно и задумалась. На велосипеде туда примерно полчаса езды через город, потом минут пятнадцать по шоссе, затем еще столько же вдоль озера. Я хорошо знала дорогу. Старое болото было недалеко от моего любимого утеса на берегу озера, куда я часто ездила в плохую погоду, спрятав крылья под плащом.

Сейчас же, как назло, было очень тепло и светло. По улицам бродили толпы людей, что жадно наслаждались последними теплыми днями. А потому и речи быть не могло о том, чтобы

выйти из дома, как есть, с этими злосчастными крыльями, которые не умещаются даже под самой огромной толстовкой, и оказаться у всех на виду. Мне уже начали мерещиться недобрые взгляды и раскрытые во след рты, и я непроизвольно поежилась.

Вереск, все это время внимательно наблюдавший за мной, неожиданно сказал:

– Одна моя знакомая сова говорит, что людям на самом деле нет никакого дела до других. Каждый беспокоится только о себе. Поэтому не переживай из-за крыльев – вряд ли кто-то обратит на них внимание.

Я опешила:

– Ты умеешь читать мысли?!

– Я просто умею видеть суть, – невозмутимо ответил он.

Я озадаченно посмотрела на своего нового знакомого. Почва под моими ногами и так была шаткой, и мне отчаянно хотелось ясности – хотя бы в одном вопросе из тысячи. И Вереск, к моему счастью, не затянул паузу надолго:

– Для того, чтобы понимать друг друга, не обязательно слышать слова, – сказал он. – Даже наоборот, произнесенное вслух зачастую уводит от главного. Все живое в природе так и ведет диалог, не произнося ни слова: мы умеем видеть друг друга, а потому – понимаем. Мне показалось, *ты* это знаешь, – проговорил он и посмотрел на меня непонятым долгим взглядом, будто о чем-то сожалел. – Ведь у тебя есть крылья. И поэтому ты должна *видеть суть*, как все мы. Хотя... Может, ты слишком долго жила среди людей...

И задумчиво умолк. А я снова и снова повторяла про себя, как заклинание: «Мы умеем видеть друг друга, а потому – понимаем». Эта фраза, как верно подобранный ключ, только что распахнула передо мной дверь в огромный мир, в котором есть место невозмутимым говорящим совам и нашим невообразимым диалогам. Вдруг в нем найдется место и для меня?

Пьянящее предвкушение свободы, едва зародившееся во мне, еще пока нежное и хрупкое, неутомимо пробивалось сквозь броню страха, нажитую за годы жизни в затворничестве. И несмотря на то, что страх еще был силен и по-прежнему оберегал меня от опасного неизведанного мира, что притаился за воротами моего дома, мне неистово захотелось делать то, о чем раньше я могла только мечтать.

Вереск точно услышал мои размышления. Или увидел то, что происходило в моей душе.

– Так что? Сможешь меня... кхм... отнести на Болото? – спросил он, виновато наклоняя голову. – Ужасно неловко об этом тебя просить. Все-таки я... то есть ты...

– Что?

– Тебе придется нести меня на руках... И это я должен провожать тебя до дома, а не наоборот.

– Да брось, – махнула я рукой. – Невелика беда. В следующий раз проводишь. Он ведь будет, этот следующий раз?

– Разумеется. И я всегда буду тебя провожать, обещаю, – серьезно сказал он, а я вздохнула, смиряясь с неизбежным:

– Тогда буду собираться. Конечно, я тебя отнесу. Отвезу, точнее. Вот заодно и узнаем, так ли уж хорошо твоя знакомая сова знает людей.

Чтобы не поддаваться иссушающим душу опасениям и нерешительности, я быстро сложила в холодильник блюда с моего несостоявшегося пира и принялась собирать в рюкзак вещи: плащ на случай дождя, орешки на перекус, горячий чай в термосе, спички, фонарик, теплые носки – мало ли поездка затянется надолго. И на всякий случай еще надо было предупредить маму, что отправляюсь в небольшой поход.

В кладовке нашлась коробка с довольно высокими бортиками. Я осторожно посадила в нее Вереска, а затем мягким шерстяным шарфом заложила вокруг него свободное пространство, чтобы он в пути не болтался из стороны в сторону и не повредил свое раненое крыло.

Оставалось только как следует прикрепить эту коробку к корзине велосипеда, расположенной на руле. Но и с этим я быстро справилась.

Все это время у меня неустанно дрожали руки, тряслись колени, я отчаянно трусила, но чувствовала особенное вдохновение, как перед самым настоящим путешествием. Вереск же, напротив, смиренно терпел все мои манипуляции, невозмутимо молчал и сосредоточенно о чем-то думал.

Наконец я глубоко вздохнула, собираясь с духом, и выкатила велосипед за ограду, не зная еще, что за ней меня ждет.

А там, за оградой, на меня, словно бушующая стихия, обрушился целый мир со всеми его звуками, запахами, яркими красками. Впервые оказавшись в городе в теплое время года, в одной толстовке и с крыльями, неуклюже торчащими из-под нее, я чувствовала себя обнаженной, ужасно уязвимой, но в то же самое время — странное дело! — особенно живой. Мне хотелось жадно вдыхать все многоцветие и многоголосие жизни вокруг, которое я чуть было безвозвратно не потеряла, скрываясь в своей комнате. Хотелось ощущать его каждой клеточкой своего тела. Но я втягивала голову в плечи и стыдливо прятала глаза от прохожих, так ни разу и не осмелившись встретиться с ними взглядом.

– Попробуй не прятаться, – сказал вдруг Вереск. – Вот увидишь, никому нет дела до других.

– Не могу, – честно сказала я, слезая с велосипеда, чтобы перейти дорогу. Говорила я тихо, украдкой, чтобы не привлекать излишнего внимания.

– А что если ты не одна такая? – Вереск неожиданно высунулся из коробки и пронзил меня острым взглядом ярко-желтых глаз. А я от неожиданности замедлила шаг.

– Вдруг у каждого из этих людей, от которых ты так старательно отводишь глаза, – проговорил он, – за спиной тоже есть своя тайная «пара крыльев»? Может, они так же, как и ты, прячут их от посторонних, но при этом как-то умудряются жить, бродить по улицам, находить своих, таких же «крылатых». Ведь, чтобы найти своих, нужно хотя бы выйти из дома.

– Не надо на меня так смотреть! – шикнула я на него. – Из дома я все-таки вышла. Впервые, между прочим, без спасительного пуховика! Мог бы сделать скидку хотя бы на это.

– Я и сделал, – заверил меня он. – Целых полчаса молчал. Ждал, когда тебе надоест прикидываться валенком.

«Валенком!» Я рассмеялась. Во мне крепло ощущение, что я знаю Вереска уже давным-давно. С ним оказалось так просто быть самой собой! Притворяться же кем-то другим – бессмысленная затея, ведь он видел меня насквозь, со всеми моими «особенностями», недостатками и слабостями.

– Хорошо, не буду прятаться и прикидываться, – я примирительно подняла руку. – Мне просто ужасно страшно.

– Знаю, – серьезно сказал Вереск.

– Но я попробую.

– Уверен, ты справишься. А потом войдешь во вкус.

Я решительно поджала губы и яростно надавила на педали. Такой желанный, неизведанный, огромный мир сегодня приветливо протянул мне руку. И я никогда себе не прощу, если не сделаю шаг ему навстречу.

Сначала я посматривала на людей украдкой, искоса, скользя взглядом между ними. А потом дала волю своему любопытству и принялась, насколько позволяла скорость, не стесняясь, их разглядывать. Но поймать на себе ни один взгляд мне так и не удалось – зря я так этого боялась. Прохожие были погружены в свои дела, мысли, заботы. Никакого интереса ни я, ни мои крылья для них не представляли.

И тогда я сдалась. Полностью вверила себя настоящему мгновению, самому правдивому из всех, и мчалась на велосипеде по шоссе, обдуваемая свежим ветром, полная пьянящего

восторга от простирающейся впереди дороги. Я впервые не ощущала груз крыльев, не воспринимала их как нечто чужеродное, отдельное, а потому неуместное. Они были неотъемлемой частью меня, а я – частью мира вокруг.

«Мир, – шептала я про себя, – я так хочу научиться тебя *понимать*, говорить с тобой на одном языке! Я хочу петь с тобой вместе, быть звенящей мелодией в твоём оркестре. Мир, как же много я упустила и растеряла: целую вереницу лет, жемчужную россыпь зим, цветастую охапку дней, проведенных в одиночестве. Но теперь я обещаю тебе и себе: я больше не упусти!».

Я была решительно счастлива. Этот день – лучший подарок на мое совершеннолетие.

Вереск затаился. Я чувствовала, что с ним, как и со мной, происходят невидимые глазу перемены. Понимала, что наша встреча произошла далеко не случайно и полностью перевернет привычный порядок вещей, но каким именно образом – нам обоим было неизвестно. Я знала одно: что бы ни происходило, наконец-то теперь все было правильно. А потому я мысленно обняла Вереска всем сердцем, благодарная за его появление в моей жизни.

Теперь я была не одна. Рядом со мной, окутывая меня со всех сторон, дышал, жил и сбывался огромный, невообразимый и удивительный мир.

– Вереск, – позвала я.

– М?

– Твоя знакомая сова была права.

– Угу.

– И знаешь... Спасибо тебе за то, что ты вытащил меня из дома. И не промолчал, когда я старательно прятала голову в песок. Это, оказывается, так здорово – ничего из себя не изображать. Быть крылатой не так уж и страшно.

– Крылатой или нет – главное оставаться собой.

– Ну да. Уж какая есть, – вздохнула я. – Пусть с бракованными, но все же с крыльями...

– Как это – «с бракованными»?

– Они ведь у меня ненастоящие, – тихо сказала я и встретилась с недоуменным взглядом Вереска. – Они не способны летать.

– А ты пробовала?

– Разумеется, – махнула я рукой. Тяжелая волна смутных воспоминаний и невнятного чувства вины прокатилась по сердцу, царапнула его, сжала до боли. – Когда-то давным-давно. И это едва не окончилось бедой. Я очень плохо помню. Но уяснила твердо: мне лучше вообще никогда не летать.

– Просто тебе нужен хороший учитель.

Я неопределенно пожала плечами. Может, и нужен. Да где ж его взять?

Глава 2. Болото

Лес вокруг озера был прозрачный, душистый, налитый медом солнечного света. Озерная вода блестела гладью, точно зеркало, облака окунали в нее свои пушистые бока, стирая границы между небом и землей. Дальше ехать на велосипеде было затруднительно, да к тому же коробку слишком сильно трясло на кочках, и я боялась повредить раненое крыло Вереска.

До Старого болота было минут пятнадцать ходьбы. Я оставила велосипед у дерева под «надежной охраной» моей веры в порядочность людей, пересадила сову себе на предплечье, и мы продолжили путь.

Вереск, щурясь на солнце, подсказывал мне дорогу. Интересно, как он понимал, куда нам идти? Ведь совы – ночные птицы и днем должны видеть плохо. Я покосилась на него: подслушивает ли он сейчас мои мысли, ответит ли на мой вопрос? Он повернул голову, посмотрел на меня своими внимательными янтарными глазами, но промолчал.

Лишь спустя несколько мгновений я услышала:

– Я знаю этот лес, каждое его дерево, каждую кочку, и дорогу домой я найду даже с закрытыми глазами. Но вижу я прекрасно. Это очень распространенный миф. Болотные совы вовсе не ночные птицы, как это принято считать.

Вот это да! А я была уверена, что неплохо разбираюсь в лесных обитателях. Я немного помолчала и осмелилась задать еще один вопрос.

– Скажи, ты ведь не один такой? Есть еще другие, которые тоже умеют говорить... то есть видеть и понимать?

– Такой – один, – ответил Вереск и мне показалось, что он улыбнулся. Без мимики, без жестов – одними своими глазами. Чудеса! – Но другие, разумеется, есть.

– И вы все живете на Старом Болоте?

– Только наша стая. Остальные – на других болотах в разных концах света.

– А почему именно на болотах?

Вереск надолго умолк. Я ждала, затаив дыхание, и уже начала опасаться, что сдуру задала слишком бестактный вопрос – быть может, это большая тайна или просто чужакам такие важные подробности знать не положено. Но Вереск наконец, ответил:

– Болото – особое место. Приграничная зона, с которой открывается вход на территорию Междумирья, которое является нашим домом. Испокон веков мы, болотные совы, охраняем наш мир от чужаков, стережем Границу между мирами.

– Ого... Стражи Границы, значит, – зачарованно ахнула я. Снова повторила эти слова про себя, пробуя их на вкус, и волна беспричинной радости и непонятной, странной надежды разлилась по телу. Вереск смерил меня долгим сосредоточенным взглядом, будто бы хотел что-то добавить, но промолчал. Вместо этого спросил:

– Была когда-нибудь на болоте?

– Конечно! – воскликнула я. И от нахлынувших воспоминаний невольно замедлила шаг. – Бабушка однажды собралась за клюквой и втихаря от мамы взяла меня с собой. Я тогда была еще совсем крохой. Правда, мы ходили только по краю, опасаясь углубиться в топи. Но, знаешь, даже мимолетное соприкосновение с волшебством этого места стало для меня настоящим откровением. В моей памяти навсегда осталась эта картина: повсюду бескрайним ковром расстилается мох в окружении редких невысоких деревьев, и все пространство, и ты вместе с ним насквозь пропитаны покоем и умиротворением. Мне казалось, я очутилась в первозданной тишине, у истоков нашего мира. Там словно не было ничего, но в то же время присутствовало все сразу, в одном, очень плотном и густом мгновении. И еще... Странно, но мне тогда почудилось, что я словно вернулась домой...

С волнением посмотрела на моего пернатого слушателя: понимает ли он, чувствует ли он то же, что и я, разделяет ли мой трепет и восхищение?

Желтые, широко распахнутые глаза смотрели одобритительно. И я обрадовалась: понимает!

– Я думаю, так и есть, – огорошил меня Вереск, и по спине пробежали мурашки, снова горячие, как пламя. От волнения я даже остановилась. Мысли мои сбились в кучу, кровь пульсировала в висках, дыхание перехватило, и я заплетающимся языком спросила:

– То есть как это?.. Но... почему?

– Болото открывает свои двери тем, у кого в сердце есть ключ от его древней души. Тем, в ком силен дух Границы. Кто сам все время находится где-то между, болтается посередине. Сама посуди: болото – это не земля и не вода, не живое, но и не мертвое...

– Да-а-а, – подхватила я. – А я – не человек и не птица. В общем, ни рыба ни мясо!

И от души расхохоталась. Так вот в чем было дело! Вот почему я все время чувствовала себя лишней на этом празднике жизни. Праздник-то был не мой! Это была хитрая шутка судьбы, что ждала своего часа, когда я наконец смогу ее оценить. И я смогла. Я смеялась над собой, над страхом, над недоверием жизни, над своей глупостью и наивностью, над жалкими попытками «впихнуть невпихуемое» – вписаться вместе со своими крыльями в обычный, «некрылатый» мир. Смеялась на всю тишину, не стыдясь, не боясь кого-то побеспокоить – все это вдруг стало совсем не важным. Знакомый мне мир, все знания и представления о нем лопались, как мыльные пузыри, от соприкосновения с этим диким, необузданным хохотом, счищающим с меня все пустое, освобождающим место мне настоящей – той, которой не нужно никуда вписываться. Той, у которой в сердце лежит ключ от совершенно потрясающего места, где нет ничего, но есть все одновременно.

И меня в этом месте давным-давно ждут. Там всем знакомо мое имя.

Я вдруг замолчала.

Мы пришли – теперь я видела это совершенно ясно даже без подсказок Вереска.

Лес, который у озера был наполнен солнцем, многоголосием звуков и запахов, теперь стал совсем невесомым и пустынным. Впереди, куда только мог долететь взгляд, простиралось царство мхов, мелких кустарников, редких тоненьких сосен и уже отживших свое сухих кряжистых деревьев.

Здравствуй, Старое Болото. Я в естественном (и как будто давно знакомом!) порыве закрыла глаза, приложила свободную руку к груди и склонила голову, приветствуя это место, восхищаясь его мощью, глубиной, многомерностью, отдавая дань его непостижимой сути.

Еще не успев поднять голову, ощутила чьи-то устремленные на меня пытливые взгляды. На обломках старых деревьев прямо передо мной сидели, нахохлившись, две совы и внимательно меня рассматривали.

«Стражи», – подумала я и не ошиблась.

– Посади меня вон на то бревно, – сказал Вереск. – Мне надо поговорить с дозорными.

Я аккуратно переместила его на остов старого дерева рядом с одной из сов-стражников. Диалог их с Вереском был безмолвным, скрытым от чужака, что вторгся в их владения. От чужака, который нарушил не только их границу, но и тишину – своим хохотом. Однако мне не было стыдно или неловко. То, что происходило со мной, начиная с моего тут присутствия и заканчивая моим диким смехом, по-прежнему было *правильно*.

Спустя несколько мгновений я увидела, как большая пятнистая сова бесшумно опустилась на корягу рядом с Вереском и с головой окутала его своими пушистыми крыльями. Хотела бы и я однажды оказаться в таких нежных целительных объятиях, в которых затягиваются любые раны, явные и не видимые глазу.

Некоторое время царила тишина. Та самая, впервые услышанная мною на болоте, первозданная тишина, что рождает новое, отворяет дверь несбывшемуся, обнажает суть и проявляет

смысл, воссоединяет сердца за границами слов и явлений. Сова выпустила Вереска из объятий, и он, перелетев поближе ко мне, устроился на ветке невысокой сосны. Его крыло стало здоровым.

И тут я услышала густой женский голос. Низкий, бархатный, он проникал мне под кожу, наполнял меня едва заметной живительной вибрацией.

– Как я могу тебя отблагодарить? – спросила сова.

Захваченная самим звуком ее голоса, звенящим внутри меня, я не сразу поняла, что этот вопрос обращен ко мне. Отблагодарить? Меня? Да сама наша встреча с Вереском стала для меня подарком, благословением, не я ли тут должна быть благодарной?

Сова, разумеется, читала меня, как книгу. Я видела это в ее глазах. Из-за расширившихся зрачков они казались черными, как бездна, но при этом лучились теплом солнечного соснового леса. Мне хотелось смотреть в них, ощущать на себе приятную тяжесть ее пронизывающего взгляда, будто в глубине ее глаз находился источник не ведомой мне, но такой желанной силы, способной напитать меня, иссушенную тоской по силе собственной, потерянную, позабывшую вкус жизни, обведенную своей шутницей судьбой вокруг пальца. Впрочем, судьба любит смелых, теперь я это знаю. И поэтому я здесь.

– В моих глазах ты просто видишь себя, – прозвенел ее голос внутри моего сердца. – Ты видишь себя настоящую, Таяна-Алата.

Ее глаза улыбнулись пылающим огнем.

Я не понимала, о чем она говорит, не узнавала это странное имя, которым она меня назвала, хотя оно и казалось мне смутно знакомым. Я будто находилась где-то далеко-далеко, и до меня доносились едва уловимые звуки, лишённые смысла, – и настойчиво касались струн моей души, и струны звенели, и пели, и дрожали. Что именно она говорила, не имело такого значения, как этот ее взгляд, который я не хотела отпускать ни на мгновение, как этот звук ее низкого голоса. Что-то странное происходило со мной, когда я слышала голос этой птицы у себя внутри: мое сердце разрывалось на кусочки, чтобы затем собраться на новый лад – и все недостающие его части, потерянные или израненные, вставляли на свои законные места.

Я долго смотрела, не моргая, сквозь слезы, которые текли по щекам, слушала пение моих струн, а потом вдруг неожиданно для самой себя произнесла:

– Научи меня летать, Невена.

Вот оно, мое истинное желание на день рождения. И вот он, мой «хороший учитель». Лучший для меня.

Да, в это мгновение я уже знала ее имя, знала, что Вереск – это ее сын. Как знала и то, что мои слова – это не просьба, не требование платы за помощь, не ожидание награды. Это естественное и правильное развитие событий. Это то, для чего я здесь, для чего Вереск улетел из своего болота, для чего грозный ястреб загнал его на мое окно.

Во мне прорастала уверенность, что я нужна этому месту не меньше, чем оно мне. Это вовсе не означало, что без меня тут все непременно развалится. Нет. Мне просто предлагали шанс разыграть общую партию – и если я откажусь, то возьмут другого, более решительного и смелого игрока. Но я не собиралась отказываться.

– Давным-давно ты пообещала себе, что никогда больше не будешь летать, – сказала Невена, продолжая так же спокойно и внимательно смотреть в глубину моей души. Я кивнула. Все так. – И какая-то часть тебя до сих пор горюет об этом решении. Но стоит ли из-за ее слез нарушать данное себе слово?

По щеке медленно стекала очередная капля. Я смахнула ее ладонью, растерла между пальцами и пробормотала:

– Стоит. Быть может, эта часть важнее всех прочих.

А потом добавила уже более твердым голосом:

– Я хочу научиться летать.

– Тогда приходи завтра на рассвете к озеру, на твое любимое место.

Мое сердце затрепетало. Никакие слова не могли передать моего ликования, поэтому я склонила голову в благодарности перед этой щедрой и мудрой птицей, перед самым этим непостижимым местом, которое тоже приняло мою просьбу – иначе я бы не услышала согласия от совы. И коротко сказала:

– Спасибо. Я приду.

Махнула на прощание рукой моему новому знакомому, прошептала: «До новой встречи, Вереск», – и, не оглядываясь, отправилась восвояси. Он подлетел ко мне, желая меня проводить, как и обещал, но понял, что мне важно было побыть одной, и остался.

Велосипед мой стоял на месте – вера в порядочность людей не подвела! И я этому была очень рада. Любопытство гнало меня домой. Пожалуй, пришло время задать маме несколько очень важных вопросов.

Выехав на шоссе, я застегнула молнию на толстовке до подбородка, надела капюшон – стало заметно прохладнее. Солнце уже опускалось за горизонт и на прощание нежно обнимало деревья оставшимся теплом, гладило густые кроны и пушистые травяные бока последними своими лучами. Лес незаметно погружался в сумерки, а легкие закатные облака тяжелели, наливаясь влагой и синевою. Временами порывистый ветер обдавал меня бодрящей свежестью, возвращая из тяжелых сумбурных мыслей, что затягивали снова и снова. Не давало покоя волнующее предчувствие, что вот-вот откроется моя заветная дверь, таившаяся за семью печатями. За ней я наверняка найду свои ответы: кто я вообще такая, каким образом понимаю язык сов, почему болото кажется мне родным местом – и отчего, в конце-концов, я так уверена, что оно меня давным-давно ждет?

Чем ближе я подъезжала к дому, тем больше во мне прорастала решимость узнать правду. И одновременно становилось все страшнее эту правду услышать, рождалось множество предположений, домыслов – одно другого печальнее. А вдруг мои родители – не мои вовсе? Откуда я могла взяться такая, крылатая, у обычных людей? Или, быть может, имя, услышанное на болоте – и вовсе выдумка, все произошедшее – плод моего воображения, разгулявшегося от бесконечного одиночества, а мои ожидания и надежды на новую, полную чудес, жизни пусты и обманчивы?

Иногда мне казалось, что где-то в лесной чаще мелькает светлое пятно, но тут же прячется – неужто Вереск все-таки отправился меня провожать? И тогда я крепче сжимала руль и еще решительнее давила на педали.

Из окон нашего дома лился теплый свет, словно маяк для усталых путников и продрогших искателей приключений, вроде меня. Странно: в моей комнате тоже было светло. Бросив велосипед у входа, я поспешила наверх.

– Мама? – Я влетела в комнату, запыхавшись.

Она сидела на моей кровати, рассматривая в руках какую-то подвеску на тонком шнурке. Медленно, будто опасаясь встретиться со мной взглядом, подняла свои светлые глаза, и я увидела, что она плачет.

– Теа, милая. Тебя так долго не было, я не знала что и думать, – она кивнула в сторону телефона, который я в спешке оставила на столе. Вот же черт.

Подошла к ней и крепко обняла. Даже если это не моя родная мать, в моем сердце было нескончаемо много любви к этой дорогой мне женщине.

– Я ведь предупреждала, что буду поздно, с чего ты вдруг разволновалась?

– Ты никогда раньше не уходила так надолго и... – она взяла меня за плечи. – Ты же знаешь, я чувствую тебя, даже если ты далеко. Но в этот раз... будто связь пропадала... а твой телефон остался дома.

Чтобы не растерять настрой, я сразу перешла к делу:

– Мам, мне нужно очень о многом с тобой поговорить. Я была на Болоте. И хочу знать правду. – Я смотрела на нее пристально, ловя каждое движение ее глаз, мимики, жестов. Хотела разглядеть, что происходило в ее душе, когда я произносила эти слова. Мне нужно было не пропустить главное.

Мама опустила глаза, вновь стала теребить в руках подвеску. Довольно долго она молчала, собираясь с мыслями, а затем тихо-тихо проговорила, протягивая мне кулон:

– Держи, это твое. Я должна была давно отдать его тебе. Да все как-то... – она замялась, – было не до того. Сегодня, испугавшись за тебя, пожалела, что не отдала раньше. Этот кулон я нашла в твоей кровати через несколько дней после твоего рождения. Я так и не выяснила, откуда он взялся, но хранила его, зная, что этот подарок – для тебя. Твой оберег. А еще ключ.

Она грустно улыбнулась. Я взяла из ее рук маленькую серебряную подвеску в виде уточки с зажатым в ее ключе камушком. На ее обратной стороне была сделана гравировка: «Т.А.» Я вопросительно посмотрела на маму.

– Твое имя, Теа, – это анаграмма от двух слов – Таяна-Алата, «Т. А.». Вижу твой вопрос. Я не знаю наверняка, что оно означает. «Таяна», вероятно, это «тайна», а «Алата»... – «крылатая». Это очень древнее имя. Думаю, однажды оно тебе откроется.

От удивления я была не в силах проговорить ни слова, но, на мое счастье, мама продолжала рассказывать:

– Имя – это один из ключей к памяти, наверное, самый важный. Истинное имя помогает вспомнить, кто ты есть на самом деле.

Мама под села ко мне еще ближе. Тусклый свет ночника освещал ее руки, которые крепко держали мои. В моей душе вновь возникло то же ощущение, что на болоте, когда внутри меня задрожали, запели невидимые струны, разбуженные звуком совиного голоса. Мамин взгляд был опущен, она погрузилась в свои мысли и смотрела куда-то в пустоту. Вынырнув из воспоминаний, она проговорила:

– Твое имя приснилось мне незадолго до твоего рождения. Обычно истинное, тайное, имя узнают при посвящении, но к тебе оно пришло слишком рано. Не зная, как правильно поступить, мы с твоим папой придумали зашифровать его в другом, официальном, имени. И мы назвали тебя Теа.

– Почему это имя тайное?

– Его не должны знать посторонние. Имя – это ключ, как я уже сказала. Очень сильный ключ. Оно пробуждает изначальную силу, но сперва к этой силе необходимо подготовиться, а для этого требуется время.

Потом она подняла на меня заплаканные глаза и медленно, но твердо, сказала:

– Я все хотела оттянуть этот момент, но, видимо, твоя судьба сама до тебя достучалась. Она оказалась сильнее меня... сильнее моего желания тебя уберечь. Теа, моя драгоценная девочка, я надеюсь, ты сможешь меня понять...

Мамины глаза снова были влажные. Я же растерянно пыталась слотнуть комок, подступивший к горлу.

– Я совсем запуталась... – пробормотала я. – Что, скажи, мне надо понять?

– Теа, я должна была назвать тебе твое настоящее имя давным-давно... Чтобы ты получила свою силу и вспомнила, кто ты есть. Чтобы ты обрела возможность выбрать свою судьбу. Но... Имя пришло так рано. Сначала я ждала, пока ты подрастешь. Потом ждала подходящего момента. И так и не решилась все тебе рассказать. Я не смогла отпустить тебя, боялась тебя потерять. – Из маминых глаз потекли слезы, и она замолчала, не в силах говорить дальше.

Мой странный, но вполне уже понятный и устоявшийся мир, в одно мгновение рассыпался на осколки. Оказывается, все это время самый дорогой – единственный в моей жизни! – человек скрывал от меня правду, которая, вполне возможно, изменила бы мою жизнь и напол-

нила бы ее смыслом – взамен бесконечного одиночества и постоянного ощущения, что я чужая, странная, лишняя... Все могло бы быть совсем иначе! Я могла бы... быть счастливой.

Во мне зарождался ураган, буря, шторм, поднимая из глубины души то, что таилось на дне все годы моего затворничества. Обида, горечь, чувство несправедливости, злость на судьбу, на маму, которая смотрела мне в глаза и видела мою боль, но продолжала молчать, закипали во мне неистовой силой. Но все, что я смогла сделать, это сдавленным голосом, смотря куда-то сквозь, эхом повторить мамины слова:

– Ты скрывала правду обо мне, потому что... Просто не смогла меня отпустить?..

Эта мысль никак не укладывалась у меня в голове. Неужели мамин страх оказался важнее, чем мое право знать о себе самое важное? Важнее, чем мое право на собственную жизнь?

...

Боль предательства разрывала мое сердце в клочья, мне хотелось рычать от бессильной злости, но все звуки застревали в горле. Казалось, это просто какой-то дурацкий фильм, и можно запросто отмотать пленку назад, чтобы мой мир вновь стал целым, чтобы я снова могла знать, что я в нем не безнадежно одна, что у меня есть хотя бы один человек, которому я по-прежнему могу доверять. Я закрыла лицо руками, старательно сдерживая слезы. Мама попыталась меня обнять, но я отстранилась: мне было слишком больно от ее прикосновений. Тогда она наклонилась к самому моему уху и зашептала:

– Девочка моя, я не могла поступить по-другому. Я очень хотела дать тебе все, чтобы ты была счастлива. Но у меня самой оказалось не так много... Не так много силы и веры, чтобы со всем справиться.

Мама надолго замолчала. Убрав ладони от лица, я увидела, как она медленно расстегивает свое платье, спускает его до груди и поворачивается ко мне спиной. Я не верила своим глазам!

На ее красивой изящной спине, на нежной коже виднелись два длинных шрама – от лопаток до талии. Мама повернула ко мне голову.

– Прежде чем я предала тебя, милая... Я... предала саму себя.

Глава 3. Правда

Зажав рот ладонью, я стояла точно громом пораженная. Мама была такой же, как и я, крылатой! Только я осталась с крыльями, а она – нет.

Поднесла дрожащую руку к ее коже, провела пальцами по неглубоким бороздкам красноватого цвета – тоненьким, но ощутимым рубцам. Почему я раньше никогда их не замечала? Да и смотрела ли я внимательно?

Она повернулась ко мне, возвращая на плечи платье, и стала медленно застегивать пуговицы.

– Поэтому у нас с тобой особая связь, Теа. Поэтому я могу чувствовать тебя на расстоянии. – Она смотрела мне прямо в глаза, не отводя взгляд. Я видела, как слезы, медленные и тихие, текут по ее щекам. Она впервые смотрела на меня своим особенным взглядом, открытым, искренним, обнимающим. Раньше он доставался другим, а мне перепадала лишь жалость, сожаление и... пронзительная тоска. Я была уверена, что причина этой тоски – во мне, в моих крыльях, в моей несуразности, в том, что я для мамы – тяжелая обуза, которую много лет приходилось тянуть на себе. Но теперь поняла: тоска и сожаление, и жалость были ее собственными – о невосполнимой утрате, на память о которой остались одни только шрамы.

Оказывается, я все это время была не одна: когда горевала из-за своей чужеродности, когда пряталась от людей и чувствовала себя нелепой ошибкой природы. Но никто об этом мне не сказал ни слова! Какая-то часть меня, жизненно мне необходимая, затерялась вместе с правдой, растворилась в недосказанности, в этом бесконечном молчаливом вранье, что я видела в маминых глазах всю свою жизнь. Меня обманули? Предали? Или есть еще что-то, чего я не понимаю?

– Я хочу знать всю правду, мама, – сказала я твердо. – Про нас, про тебя, про твои крылья – что с ними произошло?

Принесет ли эта правда облегчение или ранит меня еще больше – не важно, я все равно должна ее знать. Она была мне необходима, как глоток свежего воздуха.

– Хорошо, я расскажу.

Мама вздохнула тяжело и решительно кивнула.

– Согласно легенде, которую мне поведала моя бабушка, – начала она, опустившись на кровать рядом со мной, – давным-давно, в незапамятные времена, первая крылатая женщина сошла с небес. Люди почитали ее как богиню: они верили, что она, будучи наполовину человеком и наполовину птицей, соединяла небо и землю, человеческое и природное, мир живых и мир мертвых и хранила в своем сердце ключи от Границы между мирами. Считалось также, что она умеет исцелять словом и предсказывать будущее. Но на самом деле, она просто умела высоко летать, – мама слегка улыбнулась. – Ведь когда ты поднимаешься высоко, ты можешь видеть настоящее мгновение как часть большого узора и понимать причины и следствия. Сверху хорошо видны искаженные участки на полотне мироздания, а главное – способы, как их можно поправить.

От первой крылатой женщины родились и другие. Крылатыми рождались только девочки и далеко не в каждом поколении. Их жизнь с раннего детства была в опасности – из-за жестоких нравов или религиозных убеждений да и просто из-за обычного человеческого страха перед непонятным и странным. Но мир предложил им руку помощи: так повелось, что болотные совы взяли их под свою опеку и стали обучать магии, потому что испокон веков были Хранителями древнего знания и Стражами границ между мирами. У крылатых женщин, или просто Крылатых, как они сами себя называли, были ключи от Междумирья, но не было необходимых умений, чтобы этими ключами распорядиться на благо себе и мирозданию. Да и, прежде всего, не было многовекового опыта жизни на земле, как у сов. Совам же нужны были помощники

среди людей. В то время как Стражи оберегали целостность Границы, обученные совами Крылатые были хорошими проводниками для заплутавших или застрявших на Границе человеческих душ, которые нарушают равновесие между мирами.

С течением времени выяснилось, что совы и крылатые женщины по своей сути и по духу, были очень близки. Их союз вырос на взаимной любви, заботе и уважении и превратился в тесную, почти родственную связь. Благодаря ей Крылатые со временем научились делать свои крылья невидимыми, а некоторые даже – оборачиваться совами и летать, не боясь быть замеченными. А совы могли превращаться в людей и находиться в человеческом мире, если того желали. Но однажды все изменилось. Совы были прокляты. И между миром людей, которому принадлежали Крылатые, и миром сов пролегла настоящая пропасть.

– Кто же их проклинал и за что?

– Это был человек по фамилии Кнут, который узнал о магии Стражей и пожелал с ее помощью обрести невиданное могущество. Совы, конечно, свои тайны выдавать отказались, и Кнут вместе со своими приспешниками пошел на них войной. Стражи всего Междумирья объединились против захватчиков. В том злополучном сражении они понесли огромные потери, но свое отстояли. Никого из тех, кто прознал о совах и их магии, в живых не осталось. Сам Кнут погиб от руки Правителя стаи, во владения которой он вторгся, но перед смертью успел произнести проклятье. По никому не ведомым причинам оно стало сбываться.

– Что это за проклятье?

Мама нахмурилась, задумчиво рассматривая мое лицо.

– Странное, нелепое, но очень коварное. Из-за него совам запрещено любить.

– То есть как это – запрещено?! – Я во все глаза уставилась на маму. Немыслимо, невозможно, невероятно! Разве можно запретить любовь?

– Испытывать любовь, конечно, никто запретить не в силах, – печально усмехнувшись, ответила мама. – Но проявлять ее по отношению к близким стало очень опасно. Смертельно опасно для того, кого любят.

– Вот это да... – пробормотала я. – Но почему – именно любовь, если этому злосчастному Кнуту нужна была магия?

– Кнут пожелал, чтобы сила сов, самая могущественная и несокрушимая, обернулась их гибелью. Он говорил о магии, но этой силой, еще более могущественной и несокрушимой, оказалась любовь. Именно она питает и магию, и саму жизнь в мире Стражей. И именно она теперь таит в себе смертельную угрозу. Кнут добился своего – магия Стражей стала угасать, а их мир – разваливаться на части.

– Какой ужас! И как же они живут без любви?

– А вот так, – мама пожала плечами. – Они научились любить широко – не кого-то конкретно, а всю свою стаю, весь свой мир и магию целиком. Такие огромные у них оказались сердца!

– Ох, – вздохнула я, – какая непростая участь... И снять проклятье никак не выходит?

– Не выходит, – она вздохнула. – Как бы совы ни старались. Все, что они могут – это всеми силами оберегать свой мир от чужаков, способных принести новые разрушения. Со временем Стражи стали подозрительными и замкнутыми, выстраивали все новые и новые барьеры вокруг своих тайн, все больше отдалялись от мира людей и все меньше интересовались жизнью вне своего Болота. С тех пор каждый человек для них – враг.

– А как же Крылатые?

– Крылатые жили среди людей – и невольно тянули человеческий мир за собой в вотчину Стражей. Какое-то время они еще оставались членами стаи. Но и этому однажды пришел конец. В один судьбоносный день у крылатой женщины, что была правой рукой Правителя стаи, на свет родились двойняшки, и обе они оказались крылатыми. Это само по себе было чудом, но еще одним чудом стала их невероятной силы магия, которая сама будто бы стреми-

лась к ним в руки, как ласковый котенок, и увеличивалась в геометрической прогрессии, когда сестры пользовались ею вдвоем.

– Магия стала оживать? – с надеждой спросила я.

– Возможно, так оно и было. Говорят, девочки были рождены в любви, вопреки всем запретам и правилам. Но в итоге они то ли не справились с полученной силой, то ли не сумели ухватить дарованный им шанс – не известно, но после их ссоры наши миры окончательно разделились, а совы потеряли доступ к Высшей магии, с помощью которой они правили ткань мироздания. Им остались только ее крупинки – и именно они теперь составляют основу магии Стражей. А мы, Крылатые, не получили и этого. Нас выкинули в обычный мир, и он оказался очень жестоким. Чтобы выжить, мы обрезали крылья и забывали свою суть.

– И что же такое должно было произойти между сестрами, чтобы все окончательно поломалось?

– Никто точно не знает. Одна из них навсегда ушла на Болото, обернувшись совой, и, видимо, желая защитить совиный мир от опасности, закрыла для своей сестры дорогу в Междумирье и, значит, в магический мир. Закрыла не только для нее, но и для тех Крылатых, кто остался среди людей. Все они были признаны предателями. Совы перестали обучать наших девочек, и если какая-то из них хотела постигать глубины совиной магии, она должна была навсегда отказаться от человеческой жизни.

– Навсегда?!

– Таковы были условия договора, которые гарантировали совам безопасность. Можно было выбрать только один путь – служения людям или Границе. Знание, которое осталось у крылатых женщин, передавалось от матери к дочери, но, без магии оно не имело никакой силы и со временем стало забываться.

Мама замолчала и какое-то время смотрела сквозь меня, о чем-то задумавшись. Потом она грустно улыбнулась и, будто отряхиваясь от тягостных воспоминаний, качнула головой.

– С тех пор, как Крылатые перестали помогать Стражам, обоим нашим мирам приходится непросто. Стражи неусыпно следят за целостностью Границы, но не могут провожать на другой берег застрявшие между мирами души, которые нарушают и без того шаткое равновесие. Равновесие между жизнью и смертью, – сказала мама, заметив мой вопросительный взгляд. – Когда Граница становится тонкой, мир живых и мир мертвых накладываются друг на друга. Живым от этого тяжело, да и мертвым не легче.

Тревожная морщинка пролегла между ее бровями. Похоже, для мамы это были не пустые слова.

– Откуда ты знаешь? – спросила я и присела на пол у кровати, чтобы было лучше видно мамино лицо. Положила руки ей на колени. На улице царилась ночь, и пятно тусклого света от ночника обнимало нас теплым сиянием. То ли этот свет, то ли открывающая правда, то все вместе, казалось, делало нас чуточку ближе, растворяя стены, выстроенные вокруг каждой из нас тайнами и одиночеством. Мама довольно долго молчала, погружаясь за воспоминаниями куда-то в самую глубину своего сердца, и тщательно подбирала слова, чтобы поделиться ими со мной.

– Я чувствую... – наконец сказала она. – В работе я постоянно имею дело с Границей. Она все чаще бывает зыбкой, невнятной. Да и застрявших душ становится все больше.

– «Застрявшие души» – звучит как-то... ужасно.

– А на деле это еще ужаснее. Не иметь возможность продолжить свой путь дальше – невыносимая мука для души.

– Но почему они застревают?

– Есть много причин, я сама толком не знаю, ведь от древней мудрости у нас остались лишь крупинки. Я слышала про тех, кто не изжил свой срок, так говорила моя бабушка. Есть

также те, кого в мире живых что-то держит, и они не могут уйти свободно. Я иногда вижу их во снах, они приходят за помощью, но я ничем не могу им помочь, – мама тяжело вздохнула.

– Но неужели никак нельзя восстановить связь между Стражами и Крылатыми, чтобы мы снова могли помогать друг другу и этим душам?

– Я об этом часто думала раньше, – мама развела руками, – но... я правда не знаю, что для этого надо сделать. И главное – не стало бы еще хуже.

– Еще хуже?

– Все дело в проклятье. Понимаешь, единственный способ его избежать – это держаться от совиного мира подальше. Быть может, таким вот неприятным образом, разорвав наши связи с совами, мир позаботился о нас. Проклятье действовало беспощадно. Но вдали от сов, без крыльев и магии, мы получили возможность жить, любить, создавать семьи.

– Но при этом отказались от своей сути, – пробормотала я.

– Такова цена. И я, поверь, не знаю, что хуже: утратить крылья или же возможность любить? К тому же девочкам обрезают крылья в раннем детстве, и они даже не помнят, что когда-то были крылатыми, не знают, каково это, и живут, как обычные люди.

Она поправила складки на моей толстовке, и свет ночника скользнул по ее усталому лицу.

– Возможно, им рассказывают легенды о крылатых, которые остаются просто сказками до тех пор, пока в их семье не родится малышка с крыльями. Но теперь это происходит так редко, что считай, практически никогда. Это нам с тобой почему-то повезло, – улыбнулась она.

– Но ведь от крыльев остаются шрамы! И девочка может начать задавать вопросы.

– О, поверь мне, совы заботятся о том, чтобы у «чужаков» и «предателей» о магии не оставалось никаких воспоминаний. И следов.

– Но у тебя же они есть!

– Я обрезала крылья слишком поздно. Я должна была уйти к совам. Но не смогла. Мои шрамы – мое наказание. Напоминание о том, от чего я отказалась. Совы стерли мне память о пребывании у них, но шрамы от крыльев нарочно не стали убирать.

– Ты хотела учиться магии?

– Я просто услышала зов...

– Зов?

– Болото всегда зовет Крылатых домой, милая. Когда мы начинаем слышать его настойчивый голос, это означает, что мы готовы пройти посвящение и служить Границе наравне со Стражами.

– Посвящение – это какой-то особый обряд?

– Вовсе нет. Достаточно побывать на Болоте. – Мамины глаза наполнились особой нежностью. – Это особенное место. Оно помнит все – что было, есть и будет. Первый крик новорожденного мира, шепот умирающих звезд, имена всех, кто ступал по его моховому покрывалу. На Болоте крылатая девочка слышит свое настоящее имя и вспоминает, кто она такая. В ней пробуждается ее особенный дар. Вместе с крыльями за спиной нам было даровано умение видеть больше, чем обычные люди. Мы можем тонко чувствовать, видеть будущее и прошлое, быть проводниками между мирами, помогать людям и духам природы. Это есть в каждой из нас и без посвящения – как семена, что ждут своего часа. Болото показывает нам, как сделать почву, в которую эти семена упали, плодородной, как возделывать сад своей души, как в этом саду разыскать бесконечный источник света и силы. Увы, из-за проклятья Крылатые стали бояться Болота, и очень многие семена так никогда и не дают всходов. Мне же повезло. Что-то во мне все-таки сумело прорасти.

Я взяла ее руки, бессильно опущенные на колени, в свои и заглянула ей в глаза.

– Как так вышло, что тебе сохранили крылья?

– Наверное, такова моя судьба, – мама усмехнулась. – По какой-то причине совы отказались лишать меня крыльев, а обращаться к обычным врачам мама побоялась. Так я и росла

– крылатой затворницей. Пряталась от людей в этом самом доме, совсем как ты. Только ни учителей, ни современных средств связи, чтобы учиться дома, у меня не было. В мире людей мне не находилось места, и потому, услышав зов, я отправилась на Болото к совам. Ведь там я могла не только быть собой не страшась осуждения, но и научиться летать. Это была моя заветная мечта! Несколько лет я провела среди Стражей. Странное дело, но на Болоте я не стала своей, так толком и не выучилась летать – почему-то эта наука мне давалась с трудом – и все сильнее тосковала по своему человеческому дому. Вдали от враждебного мира людей я поняла вдруг, как сильно он мне дорог. И что я... нужна ему. Такая, какая есть, со всеми своими знаниями, полученными у Стражей, с умением видеть Границу и быть проводником. Я поняла, что у меня другая судьба.

– Поэтому ты выбрала помогать людям, да?

– Ага. Вопреки всем правилам, я распрощалась с крыльями и заодно с памятью о жизни среди Стражей и пошла учиться на акушерку. Я решила, что того контакта с Границей, который происходит во время родов, будет достаточно, чтобы немного заглушить зов. Да, я не могу помочь тем, кто уже потерялся между мирами. Но я могу сделать так, чтобы не терялись те, кто еще только приходит в наш мир. «Кто-то же должен их тут встречать», – решила я и в этом нашла свое счастье. Мне казалось, что крылья – это не такой уж обязательный атрибут, суть-то не меняется. Но оказалось, зов тише не становится.

Мама сжала мою руку и вздохнула.

– Стоит Крылатой однажды прийти на Болото, и его голос навсегда останется звучать в ее сердце... как неизмеримая и неутолимая тоска, как неприкаянная и бесприютная печаль, бездонное неизбывное горе. И глубокой ночью, когда в мире стоит звенящая тишина и пустота, в которой нет ничего, кроме правды, ты вдруг вздрагиваешь, от того, что забыла, потеряла, упустила нечто очень важное, без которого – никак. Но что забыла, что потеряла – не знаешь. И пока ты не знаешь и не помнишь, ты предаешь себя – и от этого душа горюет, мечется, стонет.

Она замолчала и посмотрела мне прямо в глаза своим решительным и открытым взглядом. Он был полон печали, сожаления и... надежды.

– Я всего лишь хотела, чтобы у тебя был выбор. Противостоять зову очень трудно, а слышать и не следовать за ним – еще труднее. Да еще это проклятье... Если бы твой папа был жив, – она вздохнула, – быть может, мы вместе отыскали бы иной способ уберечь тебя от твоей судьбы, чем просто-напросто скрыть правду. Но одна я не справилась...

Она погладила меня по волосам, бережно и нежно, как в детстве.

– Папа умер, когда тебе было пять. Для меня тогда рухнул весь наш мир, который он держал на своих крепких плечах.

Погрузившись в воспоминания, мама снова умолкла, а я задумалась о папе. Я ведь его почти не помню. Бывало, я даже злилась и обижалась на него, за то, что его не было рядом именно в те моменты, когда без него было особенно трудно. Без папы меня некому было защитить в огромном недружелюбном мире, и я заперлась от жизни на семь замков, терзаемая страхом. Если бы он был жив, то, возможно, все и правда было бы иначе.

– Когда ты родилась, – тихо сказала мама, – бабушка, моя мама, настаивала обрезать тебе крылья, и я почти согласилась. Время было тяжелое, я не знала, как мы со всем этим справимся. Ведь нам пришлось фактически запереть тебя дома, при этом как-то объяснить, откуда у тебя крылья и почему тебе не стоит выходить к людям. И, наконец, нужны были существенные средства, чтобы оплачивать учителей, ведь домашнее образование стоит огромных денег. Папа был ученым, а ученые за свою работу тогда получали смешные деньги, мы еле сводили концы с концами. Обрезать тебе крылья – это был бы самый простой вариант, как казалось всем. Но папа не позволил. Он встал на твою защиту и пообещал сделать все, чтобы ты ни в чем не нуждалась. Он говорил, что ты – наше чудо, большой подарок для нас, что тебя надо беречь и

что однажды настанет твое время – когда твои крылья нам всем очень пригодятся. Он верил, что ты сумеешь найти в этом мире свое достойное место.

Мне вспомнилось, как папа рассказывал волшебную сказку про чудесную девочку с крыльями и твердил, что она про меня, что я и есть настоящее чудо, сокровище, которое приносит счастье. Со временем я перестала в это верить, потому что мне приходилось жить взаперти, прятаться от людей, от всего мира – какое уж тут счастье?

– А бабушка? – спросила я. – Вы поссорились из-за меня?

– Нет, милая, – мама покачала головой. – Мы просто не умели разговаривать. Каждая стояла на своем и не слышала другую. Желая направить меня на путь истинный, твоя бабушка отказалась нам помогать и прекратила все общение, надеясь, что это заставит меня передумать и все-таки обрезать тебе крылья. Она переехала в город, подальше от всей этой истории, оставив нам этот дом, в котором я выросла. За это я ей очень благодарна. Нам было, где жить, а все остальное твой папа взял на себя.

И мама рассказала, что папа не оставил большого наследства, но сделал для меня очень многое. Он научил меня читать, привил любовь к литературе, благодаря которой я смогла получить хоть какое-то представление о жизни, что происходила за воротами нашего дома. Папа собирал для меня библиотеку, и в моем распоряжении со временем оказались сотни книг: классика, современные романы – все лучшие, по его мнению, произведения художественной литературы, книги по естествознанию, многочисленные исследовательские работы. Он договорился со своими приятелями из научной среды, чтобы они давали мне частные уроки, когда я подрасту. Благодаря папе, его вложенным в меня усилиям, я получила возможность хоть немножко приблизиться к миру людей. И я эту возможность не упустила: дистанционно выучилась на переводчика и теперь неплохо зарабатывала себе на жизнь, даже не выходя из дома.

Я слушала и не могла сдержать слез: оказывается, папа все это время был рядом! Все время незримо присутствовал за моей спиной: в его книгах, в его заботе о моем будущем, во всех моих знаниях, в моем образовании... и в моих крыльях за спиной. Да, за моей спиной были не шрамы, а крылья! Потому что папа верил в меня. И пусть он не смог показать мне мир, провести в него за руку, чтобы мне было не так страшно, просто потому что не успел... Но он открыл для меня в него дверь и сделал все, что бы она оставалась открытой.

Мама тоже смахивала украдкой слезы. Я видела, как трудно ей даются слова, но она не замолкала.

– Вы даже ходили гулять вместе, представляешь? – Она рассмеялась, вытирая ладонями заплаканные глаза. – Он тоже смастерил себе крылья! И вы шастали по городу, как ни в чем не бывало. Вы оба жили в своем мире, и вам не было никакого дела, что подумают о вас другие.

Словно что-то припоминая, она задумалась. Прошептала: «Я сейчас», – и быстро вышла из комнаты. Вернулась с небольшой стопкой фотографий в руках.

– Вот, смотри, Теа, – сказала она, протянув их мне. – Я тебе не показывала. Надеюсь, что однажды все-таки осмелюсь снова взять их в руки и отдать тебе. Но время шло, а горе мое все не утихало. Я так боялась, милая, что никогда не сумею дать тебе то, что мог дать только он.

Мама с нежностью погладила фотографию, на которой папа был изображен крупным планом и улыбался своей искрящейся улыбкой – он был ровно такой, каким я его запомнила.

Сквозь мутные слезы я смотрела на снимки и не верила своим глазам: там, на этих цветных карточках, мы с папой были вместе! Вот я держу его за руку, мы хохочем, дурачимся. Вот – валяемся на траве, оба крылатые – и не отличишь, у кого из нас за спиной бутафория. Давным-давно запертая дверь приоткрылась – и на меня мощным потоком нахлынули воспоминания. Я вспомнила, что значит быть чудом, которое приносит счастье, быть любимой без всяких условий. Что значит быть живой и бесстрашной. То, что принадлежало мне по праву, столько лет было спрятано под негласным запретом, чтобы я случайно не вспомнила, не стала

задавать вопросы и беречь раны. Мамины раны. Только вот забыть – не значит исцелить. Лишившись памяти, я лишилась и отца, который был мне так нужен.

Горячая волна медленно поднималась из глубин моего существа. Вот уже второй раз за этот вечер я чувствовала себя преданной. Я медленно выдохнула. Нельзя, нельзя давать ей волю. Мама не виновата, просто она не могла по-другому. Обжигающие слезы потекли по щекам, выстраиваясь стеной между мной и мамой. Волна утонула.

– Девочка моя, – мама будто читала мои мысли, – мне нет никакого оправдания. Ни за то, что лишила тебя воспоминаний о папе, ни за то, что скрывала правду о тебе. Нет оправдания моему страху. Мне просто казалось, что, если ты не будешь его помнить, то не будешь о нем горевать, как горевала я. Если не будешь знать о себе, то тебе не придется мучительно переживать, следовать ли за зовом своего сердца, отказавшись от обычной жизни и любви. Тебе не придется опасаться проклятья или потерять любовь слишком рано, как я...

– Ты думаешь, папа умер из-за проклятья? – хлопая носом, спросила я.

– Да черт его знает... Я всю жизнь думала, что из-за него. Я ведь училась магии... Но возможно, проклятье тут ни при чем. И мне просто было проще смириться с его смертью, подобрав для нее хоть какое-то оправдание.

Ее ладонь, холодная и влажная, коснулась моей руки.

– Я виновата перед тобой, Теа, – сказала она. – И все это время я несу свою вину, не отказываясь от нее. Я решила, что выдержу ее, справлюсь, но не допущу, чтобы тебе было так же трудно, как мне. Мне очень и очень жаль. Больше всего на свете я бы хотела, чтобы ты была счастлива.

Мама заглядывала в глубину моих глаз, ждала моего отклика, уязвимая, открытая к любому выпадку в ее адрес – с распахнутым мне навстречу сердцем, готовым обнять все мои раны, обиды, горести и растворить их в бесконечной нежности. В нем теперь стало очень много места, ведь все потаенное вышло из него на свет. Я чувствовала и это, и всю ее любовь. Но внутри меня сейчас не было ничего в ответ – только бездонная пустота на месте разрушенного привычного мира да бушующая на его развалинах буря. Эта буря пробуждала стремление вырваться, наконец, из осточертевшей липкой паутины страха, чужого и моего собственного. Я больше не готова была жить наполовину. Я хотела встретиться со своей судьбой.

Мама подошла к двери. На сегодня все слова уже были сказаны, остальное – подождет. На моем лице, видимо, красноречиво отражались все мои мысли, потому что мама печально улыбнулась и произнесла:

– Теа, ты права... Я так устала бояться, скрывать, придумывать объяснения. Устала оберегать тебя от твоей судьбы, сражаться с ней за тебя, и тем самым отгораживать тебя от жизни... Твоя судьба принадлежит только тебе и тебе по силам унести ее, просто потому, что она – твоя.

Подойдя к маме, я взяла ее за руки и сказала:

– Ты же видишь, что во мне твоя сила. Я обязательно справлюсь. Мне очень не хватало папы, его веры в меня. Но еще больше мне не хватало тебя, твоего взгляда.

А затем твердо и бескомпромиссно добавила:

– Смотри на меня без страха и верь, что со мной все будет в порядке. И так оно и будет. Это было сказано не как просьба, а как утверждение. Я обняла ее – холоднее, чем мне того бы хотелось, но на большее я пока была не способна. И шепнула ей на самое ухо:

– Завтра я буду учиться летать.

Я не видела маминых глаз, но я ощутила, как она встрепенулась.

– В тебе не только моя сила, – прошептала она в ответ, крепче меня обнимая, – но и папина. И всех тех крылатых женщин, что были до нас. С днем рождения, моя девочка.

Глава 4. Подарок

Мы с мамой разбрелись по своим комнатам, точно по норам, каждая – зализывать свои раны и переваривать произошедшее с нами. Я нуждалась, как в воздухе, в одиночестве, но не в том, в котором раньше пряталась от мира, а в целительном – что расставляет все на свои места. Сейчас с меня будто содрали кожу, и мне нужно было время, чтобы нарастить новую. Нужно было дождаться, пока разрушенный мир вновь обретет свои очертания, а я – свои, и мы опять сможем друг с другом ладить, но уже по-новому.

Привычно завернувшись в крылья, как в кокон, я забралась под одеяло. Но желанного покоя это не принесло.

Как мало, оказывается, надо, чтобы жизнь перевернулась с ног на голову: всего каких-то несколько часов, пара глаз напротив и увесистая горсть правды! Вереницы мыслей пронеслись в голове, отпугивая сновидения. События дня перемежались с далекими воспоминаниями, сказанные слова – с непрожитыми чувствами, горечь потери – с новой действительностью. Все это связывалось воедино и выплетало витиеватую материю сна. Я почувствовала, что наконец стою на его пороге, и прошептала, как заклинание:

«Приснись мне, пожалуйста».

Временами это срабатывало. Сегодня мне была необходима эта встреча, как никогда.

Но сон, вопреки моим ожиданиям, оказался тяжелым и вязким. Сначала я бессмысленно плутала по его лабиринтам, путалась в обрывках недо воплощенной реальности, пыталась вспомнить, кто я такая и что забыла в этом полупроявленном мире. Потом, спустя долгие тягучие мгновения я забрела в странное, но очень знакомое мне место. Передо мной простиралась бесконечная галерея со множеством закрытых дверей, разного цвета и размера. И больше вокруг не было ничего.

Снова и снова мне снился этот сон. Я знала, что в моем кармане лежит ключ, я ощущала пальцами его прохладную гладкую поверхность, но ни одна дверь ему не поддавалась. Я искала что-то очень важное, но что именно – не могла вспомнить. Очень скоро, в соответствии с обычным сценарием этого сна, я выбилась из сил. Меня одолело отчаяние, безысходность тянула ко мне свои цепкие пальцы из-под каждой так и не отворенной двери, но я не сдавалась и пробовала открывать их опять и опять, подгоняемая все возрастающей решительностью: я должна была найти ЭТО во что бы то ни стало.

Когда я уже прикоснулась к ручке очередной двери, кто-то сзади нежно обнял меня за плечи. Крепкие мужские руки, и тихий шепот у самого уха заставили меня остановиться, замереть на полпути.

– Попалась, моя похитительница!

Я вспомнила эти руки, такие родные, такие долгожданные, и выдохнула с облегчением. Но через мгновение они исчезли, оставив после себя почти невесомый след: мое сердце даже за столь мимолетную встречу успело наполниться спокойствием и ясностью. Внутри меня эхом шелестел тихий шепот: «Это чужие двери».

Как же я сразу не поняла!

С благодарностью прикоснувшись к тому месту, где еще сохранилось тепло обнимавшей меня руки, я вдруг обнаружила, что на шее висит кулон. Я поднесла его поближе к глазам, чтобы рассмотреть повнимательнее. Погладила серебряную уточку с камушком в клюве и, перевернув ее, увидела две изящные резные буквы. «Таяна-Алата», – услышала я свой собственный голос как будто со стороны, сжала кулон в руке и закрыла глаза: теперь я совершенно точно знала, где находится нужная мне дверь. Когда, через пару мгновений, я раскрыла глаза, желанная дверь уже была передо мной.

Все оказалось так просто.

Слегка приоткрыв ее, я замерла на пороге и с любопытством оглядела небольшую комнату с простой, но очень уютной отделкой, с деревянным потрескавшимся полом, деревянными же стенами, выкрашенными в сливочный цвет. Кроме цвета стен здесь почти ничего не изменилось, даже запах старого дерева, прогретого солнцем, остался прежним.

Сквозь небольшую щель я вижу ее. Она, конечно же, сидит на подоконнике, мечтательно любуется заходящим солнцем, кутаясь в серо-жемчужные крылья, и так печально улыбается, что у меня сжимается сердце. Совсем малышка, думаю я. Я и не знала, что она была когда-то такой крошечной. Не замечала, что в ней помещается так много тоски, совсем не детской – для такой крохи явно не по размеру.

Мне почему-то становится страшно. Кажется, что стоит переступить порог – и произойдет непоправимое. Вдруг она меня заметит? Спросит: «Где ты пропадала? Почему так долго не приходила?» – а я не найду, что ответить.

«Я не знала, что ты есть»? Вранье. Знала. Разве можно не заметить дыру в груди, из которой сквозит вечной мерзлотой?

«Не знала, где тебя искать»? – тоже пустое оправдание. Там, откуда дует холодом – что же тут непонятного?

«Мне очень страшно»? Вот это, пожалуй, ближе всего к истине. Но чем может быть опасна крошечная девочка с грустно опущенными крыльями и серыми глазищами, полными тоски? Я не могу найти подходящее, хоть сколько-нибудь разумное объяснение, но из-за тревоги предательски подкашиваются колени и дрожит тело.

Неужели я так долго ее искала, чтобы теперь остаться за порогом? Не подойти, не обнять, не прижать к себе, не сказать, как неистово скучала и была сама не своя?

Вот именно.

«Без тебя я не целая», – и это чистая правда.

«Без тебя я не могу летать».

Оказывается, последнюю фразу я произношу вслух.

Девочка медленно поворачивается ко мне. В ее глазах блестят застывшие слезы, а в них сияют крошечные огоньки робкой надежды. Но, едва наши взгляды соприкасаются, как огоньки тут же гаснут, и им на смену приходит отчаяние. Она испуганно мотает головой и, запинаясь, твердит: «Нельзя... Нельзя летать... Никогда... Ни за что!» Ее заплаканные глаза полны ужаса, такого невыносимого, что меня сдувает порывом шквалистого ветра, а сердце мгновенно превращается в ледяной комок.

Мне хочется подойти к ней, обнять, успокоить, смыть ее слезы, утолить ее тоску и унять страх, подарить ей всю нежность, на какую я только способна. Я делаю шаг к ней навстречу, протягиваю к ней руки, она вся сжимается и крепко зажмуривает глаза. Еще шаг – и меня тоже охватывает ужас. Что же я наделала?! Одно легкое прикосновение – и моя маленькая крошка рассыпается на миллионы осколков, вместе с ней рассыпаюсь и я, превращаясь в пустоту, в бесконечно черное «ничто» с ледяным нутром.

* * *

Проснулась я вся в слезах. Снова этот беспокойный сон, из которого мне всегда было так трудно выбраться. Трудно было вновь и вновь возвращаться ни с чем, искать – и не находить. В это раз я, вроде бы, нашла... Но почему тогда на душе скребется это противное липкое чувство, что, наоборот, – потеряла? Ничего, пообещала сама себе, сердито смахивая слезы, я не отступлю. Найду ее снова и заберу с собой.

Обычно эти сны надолго выбивали меня из колеи, но сегодня мне некогда было раскидаться, и решительно вынырнув из сонной пелены, я открыла глаза. Тут же вспомнила вчерашний день, перевернувший мою жизнь, и на сердце стало полегче. Потому я беззастенчиво отдаюсь в объятия нового утра, прохладного и пока еще невесомого, укутанного предрассветными

сумерками в пушистые одеяла тумана. Распахнула окно, впусив свежий ветер, что жалобно скребся по подоконнику, желая погреться и подремать после бессонной ночи.

Мое любимое время сладостного предвкушения и невесомых обещаний, когда, проснувшись всего на пару мгновений раньше остального мира, нетерпеливо ждешь его у порога, сонного и еще неуклюжего, чтобы – обязательно взявшись за руки! – распахнуть дверь в новый день и без оглядки окунуться с головой в самую гущу звуков, ароматов, прикосновений.

Я встречала так каждое утро – с надеждой на чудо. Чудес, как водится, не происходило, но каждый из дней щедро делился со мной буйством жизни, которой он был наполнен до краев. Я высматривала, вылавливала в нем мгновения красоты – а они чем не чудо? В общем-то я была довольна и этим, но продолжала ждать. И кажется, наконец реальность ответила на мой зов.

Одевшись потеплее, я отправилась на кухню, чтобы позавтракать.

Едва вышла из своей комнаты, как почувствовала сладковатые ароматы: пахло кофе, корицей и кардамоном – значит, мама уже встала. Я заколебалась: мне сейчас так не хотелось лишних взглядов или слов, которые могут разбудить во мне сомнения, подорвать решимость в том, что я намеревалась совершить. Упрямо мотнула головой, разгоняя страх. Да что это я в самом деле! Что мне теперь эти взгляды и слова – после того, что я видела на Болоте? Я решительно спустилась по лестнице.

Завидев меня, мама улыбнулась. Ее улыбка сегодня была совсем другой. Так бывает, когда сон уносит с собой тяжесть прошлого и, прощая нам все ошибки и растворяя пустые волнения, делает нас немного мудрее – на целый прожитый день. Те две женщины, проливающие слезы и отгороженные друг от друга стеной непонимания, остались во вчерашнем дне. Каждая из нас сегодня была уже кем-то иным. Но кем – это нам еще предстояло выяснить.

Мои вчерашние раны пока еще давали о себе знать. Но мамина улыбка, полная спокойствия, согревала мне сердце.

– Держи, это тебе в дорогу. – Она поставила на стол бумажный пакет и термос с чаем.

Мамин взгляд был открыт, наполнен любовью, как и вчера, но сейчас в нем сияла еще большая сила. Она потянула меня за руку, чтобы я присела рядом. Осторожно заглянула мне в глаза.

– Я не знаю, как избыть мою вину, – сказала она. – Не знаю, как восполнить то, чего ты лишилась из-за меня.

Мне хотелось сказать ей что-то в ответ, убедить, что она не виновата, но мама жестом меня остановила. Я взяла ее за руку, а она накрыла своей ладонью мою и продолжила:

– Я не смогу наверстать упущенное, вернуться в прошлое, чтобы все исправить, но есть кое-что, что я могу для тебя сделать, – она хитро улыбнулась. – Ну хотя бы приготовить завтрак!

Ее улыбка подернулась легкой тенью.

– Теа, вот это, – она протянула мне сверток, – тоже тебе. Когда-то я мечтала его надеть.

Я развернула пленку и вопросительно взглянула на маму: в моих руках оказалось невероятно красивое темно-синее платье в пол из тонкой шерстяной ткани с длинными рукавами, закрытой грудью и с двумя большими прорезями на спине – прямо под мои крылья!

– Но похоже, я шила его для тебя, – тихо сказала она.

Мне не хватило слов, чтобы передать те противоречивые чувства, что ураганом бушевали в моей душе. Ведь это было не просто платье! В своих руках я сейчас держала мамину мечту, которой не суждено было воплотиться. У меня хотя бы была надежда, а у нее – уже нет.

Я смотрела на маму, ее нежные, теплые глаза и легкую полуулыбку и понимала, что ведь, по сути, я ее совсем не знаю. Вспоминала наш вчерашний разговор, и видела перед собой обычную человеческую женщину, со всем ее несовершенством: уязвимую, хрупкую, с багажом пройденного пути и принятых решений за спиной, с их отпечатками – оставленными на коже шрамами и не видимыми глазу ранами на душе. У нее были свои причины, чтобы обрезать себе

крылья, чтобы сражаться с моей судьбой за меня. Но вопреки тяжести, уложенной ею себе на хрупкие плечи, сквозь ее движения, мягкие и почти невесомые, сквозь ровную осанку, поворот головы, прямому взгляда сочилась ее внутренняя сила, неудержимая и непреклонная. Да, в чем-то она проиграла судьбе, но не остановилась, продолжила свой путь дальше, сохраняя в сердце, как умела, бесконечный поток любви к жизни, ко мне, к папе.

– Моя мечта не сбылась, – прошептала она. – Но твою мечту нельзя упустить.

Я медленно покачала головой. Это был слишком дорогой для меня подарок. Слишком большой ценой он достался мне и цену эту заплатила не я.

– Мам, я никак не могу его принять!

– Оно твое, Теа. Это всего лишь платье, чтобы тебе было удобно летать. – Она подошла ко мне сзади и обняла за плечи, поцеловала в макушку. – Я буду счастлива видеть тебя счастливой. Значит, все было не зря. Возможно, твоя судьба – это стать первой женщиной с крыльями в нашем роду, которая сможет обрести свое счастье, не предавая себя. Пусть так и будет. А я буду стоять за тобой.

Прижавшись к маме щекой, я крепко ее обняла. Мне захотелось плакать от облегчения, но слезы стояли комом в горле. Я не одна! За моей спиной стоит такая же, как и я, женщина с крыльями, и даже если от них остались одни шрамы – суть от этого не меняется. И таких женщин – целая вереница за моей спиной. Теперь я это знала.

– Ты как и я, родилась крылатой, Таяна-Алата... Как и многие из нашего рода, – она говорила тихо-тихо, будто боясь спугнуть что-то очень важное, и ее слова каплями живительной росы падали в мою иссушенную одиночеством душу. – Но у тебя другая судьба. Своя.

Уходя, обернувшись, я поймала ее взгляд. Мама смотрела на меня. В ее взгляде была вера. Благословение перед шагом в неизвестность.

* * *

Захваченная волнением, я промчалась на своем велосипеде через город, почти не помня дороги. Притормозила лишь где-то посередине пути, чтобы перекусить на ходу. За спиной у меня висел рюкзак с маминым платьем – мой оберег, надежда и обещание, что я однажды буду летать.

Как это будет? Смогу ли я? Вдруг из этой затеи ничего не выйдет? Не передумает ли Невена? Не возникнут ли какие-то непредвиденные обстоятельства, которые могут нам помешать?

От этих тревожных мыслей меня разрывало на маленькие кусочки. В тот момент, когда я озвучивала сове свою просьбу, я была абсолютно уверена и спокойна, а теперь? Меня одолевали сомнения, липкой паутиной тянули остаться в прошлом, сойти с намеченного пути. В ответ я начинала быстрее крутить педали, прорываться вперед, не оглядываясь по сторонам.

Нет уж! Так просто я вам теперь не дамся! Я была теперь точно стрела, мгновение назад слетевшая с натянутой тетивы, острая и бескомпромиссная. У стрелы одно дело – лететь к цели, рассекая своим стальным наконечником воздух и все, что является преградой. Сомнения никуда не исчезли. Но теперь они превратились в смутное предчувствие – да, чего-то страшного, да, неизведанного. Но в любом случае – неминуемого. И это означало, что мне не следует тратить силы на тревогу, важно сохранить их для того, чтобы это неизведанное прожить.

Прозрачный лес встретил меня приветливыми первыми лучами солнца. Проехав немного вдоль озера, я спустилась с велосипеда, пристегнула его на замок к тоненькой сосне и оглянулась. Я была почти на месте. До моего любимого места у озера оставалось всего несколько десятков шагов. Сумерки буквально таяли под неумолимой магией света. Мир вот-вот распахнет очередную дверь в новый день! И теперь, казалось, была его очередь поджидать меня на пороге.

Зажмурившись от предвкушения, я с удовольствием потянулась и ощутила приятную собранность в теле. Ну что ж, здравствуй, новый день! Какие бы волнения и опасности ни

поджидали меня за следующим поворотом судьбы, вот эти самые мгновения утренней безмятежности принадлежали мне всецело – до последней капельки радужной росы, сверкающей на ажурной паутине. Я глубоко вдохнула сладкий сосновый воздух вместе со всем его невесомым содержанием: с птичьими голосами, по-осеннему робкими, с нежным шуршанием ветра между ветвями деревьев, с тихим шепотом притаившейся, но неугасающей жизни, которая тут и там бродит, ползает или скачет по своим бесконечным делам. Медленно выдохнула – и открыла глаза.

Невена уже была здесь. Ну конечно! Я уже заранее почувствовала ее присутствие. Бесшумные мягкие крылья, внимательный взгляд – все было как при нашей встрече... Вчера? Нет, как будто целую вечность назад, ведь так много всего изменилось за это время, да и я была уже совсем другая.

– Доброе утро, Невена. – Я склонилась в почтительном поклоне. Здесь, у самого Болота, как-то по-другому приветствовать это место и его обитателей не представлялось возможным. Сова в ответ взмахнула крыльями:

– Ты изменилась, – ее взгляд раскладывал мое существо на атомы, а я не сопротивлялась, знала: это большой дар – быть увиденной этим удивительным созданием. – Правда все меняет: беспощадно убивает наивность, чтобы дать шанс родиться силе.

Сова надолго замолчала, будто измеряя, сколько конкретно наивности во мне осталось после вчерашнего разговора с мамой. Я же вновь смотрела, как замороженная, в ее бездонные золотые глаза, смиренно ожидая встречи со своей судьбой.

– Твоим крыльям нужна сила, Теа. Если хочешь летать, наивности придется умереть окончательно. Ты готова с ней проститься?

Что-то в этих словах было такое, что меня насторожило. Еще и сердце вдруг бешено забилося в груди. Предчувствия, что терзали меня по дороге, вновь накинута на меня свои сети. Неизведанное и неминуемое дышало мне в затылок, и от его дыхания леденело все внутри. Каким образом моя наивность будет умирать теперь? С чем мне предстоит встретиться на этот раз? Не потеряю ли я от этой встречи что-то ценное, без которого я – не я, а жизнь не имеет смысла? Вереницы мыслей пронеслись в моей голове и настойчиво старались сбить меня с ног. Твердая почва превратилась в топкое болото, начала медленно уходить из-под ног. Но я устояла. Стрела внутри меня блеснула острым наконечником и его сталь отразилась в моем голосе:

– Да, я готова. Я хочу летать. – Собрав всю свою волю в кулак, твердо проговорила я. И тут же резко провалилась вниз.

Меня охватил дикий ужас. Оказалось, что земля уходила из-под ног отнюдь не метафорически. Прямо подо мной обнаружили настоящие топи, которые теперь засасывали меня в свою пучину. Я почти по грудь провалилась в болото! Вокруг не было ничего, за что можно было бы ухватиться. Я пыталась нащупать под ногами и вокруг себя еле-еле уловимую плотность, пробовала оттолкнуться от нее крыльями, но все зря: мои крылья, как и сказала Невена, были лишены силы и лишь безвольно висели за моей спиной, бесполезные, будто чужие. В то время как болото, точно живое существо из древних легенд, стремилось поживиться моей плотью и проглотить меня с потрохами.

– Болото тебе не враг, – услышала я голос Невены и схватилась за него как за спасительную соломинку. – Тебе надо просто ему довериться.

Судорожно оборачиваясь по сторонам, я пыталась увидеть сову, но тщетно: кругом простиралось лишь болото, сплошь покрытое пушистым мхом да редкими деревьями.

– Болото – это часть полотна мироздания, где нити становятся редкими, – голос звучал спокойно, размеренно. Слишком спокойно. Слишком размеренно. – Поэтому миры здесь просвечивают друг через друга, отражаясь в глазах смотрящего. Здесь Граница едва заметна и ее двери раскрыты как приглашение. А там, за дверью, бережно хранится память обо всем, что

было, есть и будет. Болото – не враг. Хотя и другом назвать его сложно. Это просто возможность. Перестань с ним сражаться, Таяна-Алата.

Безмятежность ее голоса никак не увязывалась с обстановкой. Мое сознание паниковало, а тело безуспешно искало вокруг себя спасительную твердость.

– Не ищи опоры там, где ее нет, – твердил бархатный низкий голос.

– Невена! – взмолилась я. – Помоги мне! Я сейчас утону!

Болото затягивало меня все глубже, зеленая муть доходила уже до подбородка. Я утопала, проваливалась, но сопротивлялась изо всех сил.

– Перестань бороться с Болотом – и оно сделает свое дело.

Я не понимала, чего она хочет от меня. В смысле – «перестать бороться»?!. Позволить ему поглотить меня, опустив руки?! Но я так хочу жить! Я не хочу умирать сейчас, когда моя настоящая жизнь только началась! Поэтому я не могла перестать. Однако чем больше я барахталась, тем глубже уходила вниз и все больше выдыхалась. Болото было гораздо, гораздо сильнее меня – я была для него лишь маленькой песчинкой, которой нечего ему противопоставить. Я беззвучно заплакала. У меня уже не осталось сил ни кричать, ни жалеть себя, ни сопротивляться.

Мне так хотелось оказаться дома, лечь, свернувшись калачиком, положить голову маме на колени, как в детстве. Хотелось, чтобы она гладила мои волосы, чтобы потрескивали дрова в камине, чтобы вокруг было тепло и уютно. Хотелось знать, что завтра обязательно будет новый день, в который мы, я и мир, будем снова, взявшись за руки, шагать с предвкушением. Но, вероятно, в следующий новый день мир пойдет без меня. . .

С удивлением заметила, что мое обессиленное тело стало почти невесомым, как будто болото подхватило меня на руки. Я лежала на его поверхности, будто в соленом море. Мне казалось, что я боролась с ним целую вечность – так сильно я была измотана. И какое же счастье, что спустя вечность я перестала наконец тонуть.

– Жизнь всегда тебя держит, – внутри меня вновь зазвучал голос.

Я уже хотела было ему поверить и выдохнуть с облегчением. Но не успела. Видимо, жизнь держит все-таки не всегда. Потому что это было последнее, что я услышала. И потом все померкло. Болото оказалось сильнее. Я все же утонула.

Наверное, я потеряла сознание и теперь медленно приходила в себя. Или меня одолели предсмертные галлюцинации, но, с трудом фокусируя взгляд, я стала различать размытые силуэты, которые постепенно прояснялись. Силуэты двигались, что-то говорили. Я была не на болоте – а где-то в неизвестности, где вокруг не было ничего, только мутный тусклый свет. Как будто и меня тут не было, я не ощущала ни своего тела, ни усталости, ни даже страха. Я просто была вниманием, бесплотным свидетелем.

Силуэты укрупнялись, становились все более четкими. Оказалось, передо мной – мои мама и папа. Папа стоит вдалеке, отделенный от мамы полупрозрачной стеной, по которой стекает вода. Вода течет постоянно, и в этом месте пахнет сыростью и холодом. Я вижу, что мама хочет отодвинуть эту стену, разобрать ее или разбить, будто она – главное препятствие между ней и папой. Но я вижу, что это не так. Эта стена не бесконечна. И она заканчивается в нескольких метрах от мамы, однако она этого не видит. Она стоит и смотрит в одну точку и не замечает ничего вокруг. Не замечает маленькую девочку с крыльями, которая прижимается к ее ногам, тянет ее за подол юбки. Я чувствую смертельный холод, запах плесени и мамино отчаяние, которое разливается вокруг густым туманом, заполняет собою все пространство, закрывает от света и свежего воздуха. Девочка что-то говорит, плачет, мама на пару мгновений все же поворачивается к ней, обнимает ее, но снова смотрит сквозь стену.

– Мама, куда ты смотришь? Там ничего нет! Пойдем! – детский голос разрезает пространство, от него вибрирует застоявшийся воздух и появляется рябь на стекающей по стене

воде. Мама испуганно вздрагивает, рассеяно кивает, но продолжает стоять. – Пойдем же! Мне тут очень страшно.

Тишина.

– Mamочка, мне так страшно!

Тишина.

– Пойдем!

– Я не могу, милая. Я не могу оставить папу. Иди, иди поиграй! Я должна остаться здесь.

– Мама, но здесь никого нет, пожалуйста, пойдем.

Опять тишина.

Девочка плачет тихонько, боясь вновь напугать маму громкими звуками. Ну и ладно, пусть мама останется тут, ведь пока она тут, она *хотя бы где-то есть*. Девочка отходит в сторону, садится на пол и укутывается крыльями. Быть хоть немного подальше от сырого тумана, там, куда попадают солнечные лучи – вопрос жизни и смерти. Но далеко не уйдет – она всегда будет где-то рядом, следить, чтобы мама совсем не замерзла, приносить ей немного солнечных лучей в охалке и накидывать ей их на плечи. Теперь это ее забота, так она решила. Ведь она тоже должна остаться, чтобы не предать.

Я смотрела со стороны на себя маленькую, одинокую и окутанную облаком пушистых крыльев – и мое сердце разрывалось в клочья. Теперь понятно, кого и почему я так неистово искала во сне! Понятно, откуда растет мое одиночество – вовсе не от того, что я крылатая, что не такая, как все вокруг. Вот почему я выбрала добровольное заточение в своей комнате под крышей – чтобы быть рядом с мамой, ведь я не могла ее бросить.

Чтобы помочь малышке, я принялась изо всех сил кричать маме, стоящей у стены, чтобы она услышала, наконец, дочь. Но она не обращала на мои крики никого внимания, будто бы меня здесь и не было вовсе. Я кричала все громче, мгновение – и я оказалась рядом с мамой. Попробовала схватить ее за руку и увести силой: то, что не получилось у маленькой девочки теперь-то должно получиться у меня! Но нет. Меня обожгло холодом, а мама даже не шелохнулась от моего касания.

– Тебя это не касается. Это не твоя история, – голос Невены пронзил мутное пространство, но тут же заглох – казалось, густой туман поглощает все вокруг, даже звуки. – Взрослые разберутся без тебя, а вот она – нет.

Я перевела взгляд на крылатую девочку и поймала смутное ощущение, что однажды уже вот так смотрела на нее. И видела ее горе. И обещала, что заберу ее с собой. Точно, это же было в том самом бесконечном сне! Но я ведь не могу вот так запросто взять и уйти, оставив маму в ее тумане.

– Дааа, – протянула Невена, – чтобы уйти, необходима ярость. Но где ж ее взять?

Ярость? Вот так новости!

– Ты так любишь маму, что врешь сама себе, – продолжала она. – Боишься признать свои настоящие чувства, прячешь их с глаз долой, потому что им внутри тебя не место. Но они есть, сколько их ни прячь.

Ее слова больно били мне в сердце, и даже густой туман не смягчал их острые края:

– Ты боишься своей настоящей силы – и потому живешь только отчасти. И потому, Таяна-Алата, часть тебя до сих пор здесь. Хорошая, преданная девочка. Но едва живая.

Еще удар.

– Ты можешь бесконечно долго стоять тут с протянутой рукой и ждать, когда же тебе дадут то, что причитается тебе по праву. Ведь хорошие девочки так и должны поступать, иначе от них отвернутся и их протянутая рука останется ни с чем. Но ты ничего не получишь, пока не научишься брать сама.

Меня это все стало порядком раздражать: и безуспешные попытки докричаться до мамы, и эти загадки Невены, ее странные фразы и... то тайное, что начало подниматься откуда-то из

глубины моего существа, разбуженное ее словами. Сова, конечно же, читала меня, как книгу. И говорила специально именно то, что способно вывести из равновесия – чтобы у меня не осталось сил это тайное сдерживать.

– Отлично, продолжай. Злость – это то, что надо. Для начала, – ее невозмутимый и строгий голос подогревал нарастающую волну.

– Надо для чего? – резко спросила я.

– Чтобы выбраться отсюда.

– Ах, вот оно что! – сказала я с вызовом. – То есть, если я разозлюсь, как следует, то смогу уйти легко, без сожаления? Смогу предать, не испытывая муки совести? Потому что это якобы справедливо? Вот так все просто у тебя, да?

Я рассмеялась глухим смехом и прозвучало это весьма зловеще. Неужели в этом и заключается она, хваленая совиная мудрость?

– А предавать себя – это в порядке вещей? Твоя совесть довольна? – Невена говорила по-прежнему спокойно, чем задевала меня еще больше, ее голос пробирался ко мне сквозь туман, в самую мою душу. – Чувствовать злость – не значит выливать ее на других. Ты злишься, потому что не позволяешь себе ярость. А ярость – это твой оберег. Это то, что вытаскивает тебя из любой истории, даже из лап смерти. Это опора, которая держит.

Волна внутри меня становилась все сильнее. Мне вдруг стало страшно. Эта волна была больше меня и мне казалось, что я вот-вот потеряю над ней контроль.

– Мама, пойдем же!!! – Я снова попыталась докричаться до нее. Надо выбраться из этого места, пока тут все не разлетелось к чертовой матери.

Нет, она меня не слышала.

– Невена, – взревела я. – Как отсюда выбраться?

Тишина.

– Невена, об этом мы не договаривались! – кричала я сквозь туман, чувствуя себя обманутой вновь. Я думала, что мы будем летать, а меня загнали в ловушку.

– Умница, продолжай. Дай ей место, – прозвучало вместо ответа. Сова тоже меня не слышит! Твердит свое, не понимая, что со мной творится.

Стихия во мне набирала мощь. Но теперь я не стала ее успокаивать и брать себя в руки. В этот раз я имела право! Меня обманули, перехитрили, предали – в который раз. Злость разжигала внутри огонь, в нем плавилась граница дозволенного, все условности и... страх. Я вдруг поняла, что мне больше не страшно – ведь внутри моего существа разливалась по венам, пульсировала в каждой клетке, звенела и вибрировала не поддающаяся сомнению сила, непобедимая и необузданная, готовая смести все преграды на своем пути. Я взмахивала крыльями, разгоняя в клочья ненавистный мне туман.

Огненная волна накатывала, испепеляя меня изнутри. Да, Невена была права. Я и правда ее боялась. Нечто огромное, мощное, страшное, неукротимое, что живет где-то внутри меня пугало меня до дрожи в руках, до подкашивающихся коленок. Я не знала, что это такое, но едва горячая волна начинала подниматься внутри меня – я сжималась в комок, закрывалась от мира, опасаясь причинить кому-то вред. Плакала. И слезы гасили ее жар. Но сейчас она неумолимо жаждала взять свое. То, что было дороже всего на свете – лица моих родных, мои воспоминания, мои клятвы и обещания.

– Помни, что это ты владеешь ею, а не она – тобой! – совиный голос вдруг загремел весенней грозой.

Легко сказать! Как это вообще возможно – дать волю яростному огню, но при этом не ослепнуть от его жара, не оказаться проглоченной им с потрохами?

– Ты – русло, она – река! Она – часть тебя. Ты больше. Слышишь, Таяна-Алата? – Невена говорила все так же спокойно, но звуки ее голоса окатывали меня с головой, как ушат ледяной воды, проясняя сознание.

Картинки мелькали, сменяя друг друга, силуэты знакомых фигур тенью выступали среди пылающего огня. И исчезали в нем навсегда. Ни у кого из них не хватило смелости рассказать мне правду. Зато теперь, в отражении всепоглощающего пламени, я вижу все, как есть. Вот стоит мама, увязшая в своем горе. Нет, она не видит меня, ей нет до меня дела. Папа давно умер, его нет среди живых и не будет никогда, хоть ты всю жизнь простишь с ним рядом. Маленькая девочка с крыльями, лишенная воспоминаний о папе, стала сиротой, которой не к кому прийти за помощью, но честно продолжала стоять рядом с мамой, не предавая. Хотя сама была предана много-много раз. Но самое главное, я теперь вижу, как далеко мы все здесь находимся от жизни, мы смотрим не туда, куда нужно, и именно потому взгляды наши полны горя. Здесь не хватает свежего воздуха и... совсем нет любви. А без нее все происходящее не имеет никакого смысла.

Хватит! Волна все с новой силой ударялась внутри меня, но мои берега крепили: я хочу другой жизни! Я просто хочу жить, в конце концов.

– Да, я хочу быть счастливой! – тихо, но твердо сказала я вслух, однако мой голос раскатистым громом прогремел в тумане. – Я хочу быть счастливой, а не затыкать ваши дыры. Вы разберетесь с ними сами – как-то же справлялись без меня раньше. Я всего лишь ваш ребенок, и я хочу света, тепла и... воздуха. Свежего воздуха!

Дышать становилось все труднее. Грудную клетку словно сдавили мощные тиски, мутный туман стал вязким и плотным.

Но я не ощущала паники – я теперь знала, насколько мощная живет во мне стихия. И правда в том, что она действительно – во мне, внутри меня. А значит, я, без всякого сомнения, больше. Все так, как говорила Невена. И я вдруг ясно почувствовала, что та ярость, которая сжигала меня и которой я так боялась, теперь растекалась во мне самым настоящим спокойствием! Она не угасала, не успокаивалась, наоборот, я все явственнее ощущала ее присутствие в каждой клеточке – и благодаря ей я чувствовала силу. Теперь ярость моя была уверенностью и... опорой. Невена вновь оказалась права.

Я подлетела вихрем к моей малышке, обняла ее крыльями и прижала к себе. Но тут же ощутила, что дышать больше не было никакой возможности. Девочка смотрела на меня. Туман не причинял ей никакого вреда. Сделав отчаянный вдох, я оттолкнулась от земли и прокричала:

– Я вернусь за тобой! Я найду тебя снова, слышишь?

Крылья вязли в густом душном тумане, и я с трудом пробиралась наверх – туда где еще теплилась жизнь.

– Мама я очень тебя люблю, – сдавленно прошептала в черную пустоту подо мной, навсегда прощаясь с теми, кто остался внизу. – Но я хочу быть живой.

– Любить можно по-другому, – услышала я в ответ. – Не обязательно умирать вместе.

По-другому... Эти слова прозвучали как облегчение. Как найденный наконец ответ на долго мучивший вопрос. Как долгожданные мгновения спокойствия после ожесточенной бури. «Можно любить по-другому» – это и был край стены, разделявшей моих родителей, тот самый край, который не видела мама, смотревшая в одну точку. Там, где заканчивалась стена, раскрывала свои объятия любовь, утоляющая самую исступленную жажду, возрождающая разрушенное из тепла и праха – да, любовь *другого рода*, но не терявшая своей сути.

– Мамочка, я очень тебя люблю, – едва выдохнула я и почувствовала, что туман, неуютный и враждебный, зажимающий меня в тиски, словно по волшебству, преобразился в ласковый струящийся свет, обнял меня нежно – и опустил на темную пустоту россыпью искрящейся пыли.

Мне стало вдруг тепло и легко на сердце и удалось без труда сделать вдох.

Глава 5. Чужак

Вынырнув из тумана, я с трудом открыла глаза, опухшие от слез. Моя голова лежала на чьих-то коленях, кто-то гладил меня по голове, по лицу теплыми нежными руками, а в руке я судорожно сжимала какой-то камушек.

– Девочка моя, – я услышала выдох облегчения.

– Мама? – Я привстала на локтях, и мне тут же открылась удивительная картина: вокруг меня на собралось не меньше двух десятков сов, расположившихся на поваленных деревьях, а прямо рядом со мной, на трухлявом пеньке, уместилась Невена. Вереск был тут же и удобно устроился на плече у моей мамы. Ее встревоженный взгляд пронизывал меня насквозь, точно так же смотрела на меня Невена.

– Как ты тут оказалась? – спросила я и присела, подсунув под себя ноги. Мне хотелось получше рассмотреть все вокруг и понять, что тут вообще происходит.

– Ты меня звала, Теа. И я пришла.

– Но как? Это же было там, внизу... или? – Я оглянулась на сову, ожидая объяснений. Но вместо нее заговорила мама:

– То, что происходит на Болоте, происходит одновременно во всех мирах. Ты звала меня, я услышала.

И тут я вспомнила, что забыла там, в глубине болотной топи, нечто очень важное.

– Невена, – с тревогой посмотрела я на сову, – она... осталась там? Она жива?

Но Невена была по-прежнему невозмутима.

– Она там. Но в надежных руках, не беспокойся. Живая. Ждет, когда ты за ней вернешься. Вернись. Конечно вернись! Я облегченно выдохнула.

Но, оказалось, преждевременно.

Из глубины болота, рассекая воздух широкими крыльями, летела большущая сова. Даже не столько летела – парила в воздухе, и выглядело это настолько величественно и грациозно, что я невольно залюбовалась. Остальные совы при ее появлении встрепенились и зашелестели крыльями. Воздух будто раскалился, и мой внутренний жар, обретенный во чреве Болота, тоже грозился вот-вот выйти из берегов. В груди у меня заныло: появление этой птицы явно не предвещало ничего хорошего.

И я не ошиблась. Как только сова сложила крылья, приземлившись на бревно, воцарилась тишина, в которой, как гром среди ясного неба прозвучал обманчиво бархатный мужской, голос:

– Человеку на Болоте не место. Уходите отсюда, – сказал он нам с мамой, а затем повернулся к Невене. – Позаботься о том, чтобы они забыли сюда дорогу.

Мое сердце замерло в отчаянии.

– И все, что здесь происходило, тоже, – добавил он и перелетел от нас подальше.

Похоже, его мнение было неоспоримо, а сила его слов не подлежала сомнению, потому что тишина стала ощутимо плотной и выстроилась преградой между людьми и птицами. Совы просто ждали, когда сказанное осуществится, и мы уберемся отсюда восвояси.

На меня словно вылили ушат ледяной воды. Неужели я прямо сейчас потеряю все то, что едва успела обрести! То, что стало моим смыслом, радостью и надеждой. Нет уж, никто не смеет забирать у меня мою память! И тянуть к ней свои загребущие... лапы! Во мне разгорался огонь: хотя внешне я была вполне спокойна, но внутри уже зрела готовность зубами и когтями защищать свое.

Невена на мгновение взглянула на меня – в ее глазах царило спокойствие и уверенность. Она выдержала паузу и заговорила:

– Север, послушай. В любой другой ситуации я бы не позволила себе с тобой не согласиться, ты же знаешь. Но сейчас я бы не спешила с выводами.

В его взгляде промелькнула искра, готовая испепелить любого, кто оспаривает его решение. Но он просто молчал, и это его молчание было гораздо тяжелее самых гневных слов.

– Север, это не просто человек. Не просто молодая крылатая женщина. Это Таяна-Алата. У нее Дар Хранителя Искры.

По Болоту пронесся шепот. У меня же от изумления глаза полезли на лоб. О каком таком даре она говорит?!

– Но это невозможно! – Север взмахнул крыльями. – Дар переходит по наследству – от учителя к ученику. Тебе ли не знать, что последняя Хранительница Искры никому его не передала.

Невена не отступала, а я слушала ее, затаив дыхание:

– Невозможным было и то, что однажды крылатая женщина спустилась с небес. Но тем не менее, это произошло, потому что мир нуждался в ее присутствии. Возможно, она здесь – вопреки всему, потому что ее Дар нам жизненно необходим?

Она подлетела поближе к вожаку. А Север был именно им, теперь я даже не сомневалась. И, будто ему одному, Невена тихо сказала:

– Я видела свет, в который она превратила туман.

Все совы снова ахнули, и тут же болотная тишина взорвалась бурей разноголосых встревоженных возгласов:

– Как такое возможно? Немыслимо! Никто не может превращать туман! Он всегда был есть и будет! Туман – неотъемлемая часть Границы.

К Северу резко подлетела еще одна сова и, подсев к нему вплотную, без лишних церемоний гневно прокричала:

– Она нарушила Закон! Ты знаешь, чем это грозит, Невена?!

Север в тон ей прогремел:

– Эрна права, Невена. Мы с трудом удерживаем равновесие. Мир трещит по швам, а эта девчонка подрывает самые его основы! – Сказав это, он даже не посмотрел в мою сторону: стоит ли тратить свое драгоценное внимание на мелочь, вроде меня!

Если бы пару десятков минут назад я не научилась укрощать бушующий во мне огонь, то от моего взгляда точно загорелась бы парочка-другая сухих веток. Или перьев. Но хорошо, что Невена преподнесла мне этот урок заблаговременно. Очень мудро с ее стороны.

– Возможно, – ответила Невена, – от этих хваленых основ давным-давно ничего не осталось? – Лед в ее голосе будто резал пространство на части. То ее был настолько спокойным и холодным, что казалось, будто мороз пробирает насквозь, проникает под одежду и добирается до самого нутра, заковывая все, что попадает на его пути, в свои студеные сети. Она придвинулась совсем близко к Северу и произнесла медленно, по словам:

– А может, мир трещит по швам, потому что мы что-то делаем не так?

Они замерли, сверля друг друга острыми взглядами. Казалось, миг – и полетят перья с обеих сторон. Или хотя бы искры. Но ничего не происходило. Что это – дуэль взглядов или недоступный для посторонних диалог? Я больше склонялась ко второму.

Сов стало очень много, не меньше сотни. Видимо, происходило что-то очень значимое для всей стаи.

Наконец Невена тихо проговорила:

– Когда-то это было возможно – превращать туман в свет. Мерлан подтвердит.

С этими словами Невена села чуть поодаль.

Сова, находившаяся рядом с Севером – Эрна, кажется, ее зовут – все это время не сводила с него глаз, явно стараясь понять, о чем шла речь в безмолвном диалоге.

– Одно ее неловкое движение, – сказала она, – или обычная человеческая глупость – и мир окончательно рухнет. Нужны ли нам дополнительные трудности? – Эрна обвела взглядом всех собравшихся птиц. А затем повернула голову к Северу и мрачно добавила:

– Ты же помнишь, что это за дар? И что бывает, если он попадет в ненадежные руки?

– Что мы знаем о нем на самом деле? – Невена заговорила громко, обращаясь ко всем совам. – Только сплетни да домыслы. Это все, что нам досталось в наследство после... – она обернулась к нам с мамой и закончила, поколебавшись, – после разделения. Девочка много лет подавляла его в себе, он не способен разрушить ничего вокруг – только ее саму.

В ее последних словах мне послышалась доля сожаления и тревоги, но, быть, может, просто показалось. Затаив дыхание, я слушала ее речь – она становилась все более горячей, растапливала последние льдинки в ее голосе и те осыпались на болотный мох живительной росой:

– Мы можем снова потерять и проворонить. Будет ли дарован нам еще один шанс? Я не знаю. А что, если он – последний, Ваша Светлость? – Ее пристальный взгляд буравил насквозь вожака, будто пытался докопаться до самой глубины его души, пробиться сквозь броню его сопротивления. Растопить лед и в его голосе тоже. Наверное, ей это удалось, хотя бы немного, потому что звенящее в воздухе напряжение слегка спало. Совсем чуть-чуть, но я тихонько выдохнула.

– Хорошо, Невена. Твое предложение?

Эрна демонстративно отвернулась.

– Я не Хранитель Искры. Но я могу научить ее всему, что умею сама. А там, быть может, мы найдем спрятанные ключи.

– Ты, конечно, опытная наставница – но для человека?

– Для крылатого человека, Север.

Я чувствовала, как вожак стаи колебался. Но не из малодушия, не от упрямства, не из-за уязвленной гордости старшего, которого хотят послушаться – вовсе нет. Ведь старший здесь он – и отвечать ему. Даже если Невена будет убеждать, что ответственность целиком лежит на ней, все равно Север неизбежно будет в ответе. Все понимали, что, даже если он согласится, это вовсе не будет означать, что он закроет глаза на отступление от правил. Наоборот, с этого момента его глаза должны будут стать еще более зоркими, еще более пронизательными, именно потому, что от правил придется отступить. Допустить чужака в свои владения, впустить в устоявшееся течение жизни что-то новое, нарушающее равновесие, которое они и так с трудом удерживали, означало огромный риск для всех. И вожаку надо было убедиться, что этот риск оправдан. Я все это очень хорошо понимала. Похоже, сказывалось действие этого необычного места, где я находилась – само Болото помогало мне видеть и проникать в суть.

– Ты ведь даже не знаешь, готова ли она. Не мне напоминать тебе условия, – уже гораздо спокойнее произнес Север.

Невена посмотрела на меня чуть дольше, чем обычно, еще более задумчиво и внимательно. В этот момент я осознала, что совсем ничего не знаю о мире, частью которого, хотя бы самой крошечной, мне хотелось бы стать. Я чувствовала себя мышонком, попавшимся в ловушку: как будто за меня решается моя судьба – а я только бездумно соглашаюсь, прельстившись вкусной наживкой. Что-то здесь было не так. Конечно, я не хотела лишаться всего, что я только что обрела. Но и ввязываться во что-то, не ознакомившись с условиями, тоже не собиралась. Мне необходимо было знать правду. Ее незнание, как выяснилось, обходится мне слишком дорого.

– Какова цена? – спросила я прямо, собрав всю свою решимость, и услышала, как где-то за моей спиной тяжело вздохнула мама.

– Если ты встанешь на путь своего дара, то назад дороги не будет, – сказала Невена и мельком глянула за мою спину, где стояла мама. И, кажется, я догадалась, о чем она говорит.

Однажды пробудить свой дар и не последовать за ним означало, по меньшей мере, навсегда застрять где-то между жизнью и небытием. Слышать зов, но быть скованным невозможностью двигаться. Я могу отказаться от дара, но мне придется тогда смириться с глубокой невыразимой тоской, что навсегда поселится в моей душе.

Выдержав паузу, вероятно, чтобы позволить мне проникнуться смыслом сказанного, сова продолжила:

– Об обычной жизни тебе придется забыть. Возможности подразумевают ответственность, а особые возможности – особую ответственность. И еще... – она замолчала, подбирая слова. – Теа, следовать за своим даром означает пройти целый путь, и он может быть непростым. Точнее... Он всегда непростой. Иногда будет казаться, что он не стоит той цены, которую необходимо за него заплатить – и даже в такие моменты придется продолжать идти.

– Что значит «забыть об обычной жизни»? Мне нужно будет насовсем остаться с вами? И попрощаться с миром людей?

Среди сов прокатилась волна усмешек. Или мне просто послышалось.

– Прощаться с миром людей? – с вызовом переспросил Север. – Но была ли ты когда-то частью их мира? Что ты так боишься потерять? Свой привычный, такой знакомый мирок из четырех стен? Боишься перестать быть обычным человеком? Одной из тех, кто трусит перед неизвестностью, цепляется за пустое изо всех сил и разменивает сокровище на безделушки?

Он повернулся к Невене и проговорил со вздохом:

– Ты видишь, она даже не понимает ценности. Как ты сможешь ее научить?

Я не отводила от него глаз, ощущая мерцание жгучей ярости где-то под кожей: да как он смеет и что себе позволяет?! Но вместо того, чтобы вступать с ним в перепалку, произнесла ледяным тоном:

– То, что я обрела за эти два дня, навсегда перевернуло мою жизнь, и я сделаю все, чтобы это не потерять. Я всего лишь хочу знать условия. Без тайн и недомолвок. На данный момент мне известны только истории о вашем коварстве, о строгих запретах и ограничениях.

– А о проклятье тебе известно? – Он наконец одарил меня обжигающе горячим взглядом огненно-желтых глаз. Я кивнула. – О том, что магия, которая пробудится в тебе во время обучения, сможет запросто тебя убить, если ты нарушишь запрет? Никакой личной жизни, никакой семьи. Но разве не об этом мечтают все юные девицы, вроде тебя?

Я гневно поджала челюсть. А Невена тяжело вздохнула и виновато посмотрела на меня.

– Наш мир проклят, Теа. Обычная жизнь, о которой тебе придется забыть, – это возможность иметь семью, любить, быть любимой. То, в чем многие женщины находят смысл своей жизни. Как только ты вступишь на путь магии – никаких мужчин, никаких романтических связей, никаких близких отношений. Это убьет или тебя, или твоего избранника. И навлечет беду на стаю.

Снова прокатилась волна. На этот раз встревоженного шепота.

Я молчала, не готовая к тому, что свой выбор мне придется совершить прямо сейчас. Обрести свое место в мире, стать своей среди таких же крылатых и, наконец, летать! – разве не об этом я мечтала все годы своего затворничества? Но... отказаться от любви – не слишком ли это высокая плата? Смогу ли я без нее? Не потеряю ли я вместе с ней то, что важнее и своего места в мире, и крыльев, и полета?

– Таковы правила, – прогремел Север, от которого не укрылось мое замешательство. – Или ты соглашаешься, или прямо сейчас возвращаешься туда, откуда пришла. Что бы ты ни выбрала, назад дороги не будет.

– Север, позволь мне, – прозвучал очень приятный голос с теплыми и ласковыми нотками. Он принадлежал удивительной птице, которая только что подлетела поближе. Пристроившись на ветке невысокой тоненькой сосны, она обвела всех присутствующих своим взглядом.

– Здравствуйте, Мерлан, – сказал Север, поднял вверх крылья, сомкнул их над собой и склонил голову. Видимо, у сов это было знаком особого почтения. Остальные совы последовали его примеру. Мерлан тоже оказался совой, такой же, как все остальные, за одним исключением – он был абсолютно, идеально белого цвета, настолько белого, что, казалось, от него исходит сияние, которое заполняет все пространство вокруг и касается сердца каждого. Совы благоговейно затаились.

Мерлан кивнул и обратился ко мне:

– Любовь – это твоя суть и тебе ни в коем случае нельзя от нее отказываться. И пока у тебя нет избранника, твоим возлюбленным может стать весь мир. Ты можешь любить его целиком, как ты это умеешь. Кто знает, быть может, в этом кроется ключ, который поможет тебе однажды преодолеть пропасть, разделяющую наш мир на части.

Его голос был особенным. Он проникал куда-то глубоко в сердце, разгонял там мрак и даже юркие тени сомнений исчезали от его прикосновения, он укутывал нежным теплом плечи, снимая с них излишнюю тяжесть, а вместе с ней и все пустое, неправдивое. Мерлан был совсем небольшой совой, гораздо меньше Невены и уж тем более Севера, но от него веяло неведомой силой, огромной и древней, как мир.

– Ты действительно Хранитель Искры, Таяна-Алата. Теа. Это хорошо заметно тому, кто умеет видеть суть.

Он повернулся к остальным:

– И тому, кто еще способен доверять своим глазам. – В его голосе прозвучала улыбка, а вовсе не укор. – И потому эта девочка – наш шанс. Подарок судьбы.

На Болоте царил тишина. Пространство будто замерло в ожидании.

Мерлан снова обратился ко мне:

– Забудь все, что ты знала о крылатых женщинах. И даже то, что еще не успела узнать. О проклятиях, о разладе между нашими мирами. У тебя свой собственный путь, Теа, а потому нет смысла равняться на других и ходить чужими тропами. Тебе придется прокладывать свою. Среди неизвестности, неопределенности, а порою даже среди небытия. И никто не знает, какой он в итоге будет, твой путь, что ты на нем обретишь, а что потеряешь. Но он твой, а потому без него ты – не совсем ты.

– Без него я – не совсем я, – эхом отозвалась я, задумчиво глядя в даль. Я очень хорошо понимала, о чем говорит Мерлан. Проклятье меня не пугало – потому что рассказы о нем уж слишком походили на сказки, призванные пугать несмышленных детей. К тому же, если мне придется все свое время проводить на болоте, обучаясь магии, то откуда вообще взяться возлюбленному? Вряд ли он будет терпеливо дожидаться меня на одной из болотных кочек. Зато я отчаянно, до дрожи в коленях, боялась другого. Если я откажусь заходить в открывшуюся передо мной дверь, то так и останусь кем-то несбывшимся и недоовоощенным. Главной болью и отчаянием всех двадцати лет и одного года, что я уже прожила на свете, было опасение: а вдруг я так и не смогу стать живой на все положенные мне сто процентов и буду жить лишь в мечтах, книжных историях с глупой надеждой за пазухой? Что, если я всю жизнь проведу в четырех стенах, окажусь лишь наблюдателем, который довольствуется одним только видом из окна? Меня вновь охватил дикий ужас. Нет, мне этого больше не достаточно. Даже если мне придется принять на себя проклятье. И любить весь мир, вместо одного конкретного человека. Или вместе с ним...

Мерлан перелетел ко мне на плечо и тихо сказал:

– Я рад пригласить тебя в нашу семью, Теа, если ты согласишься.

Это простое приглашение так тронуло меня, что я произнесла быстро, как на духу, чтобы ни малейшие крохи сомнений не успели протиснуться ко мне в сердце:

– Благодарю Вас, Мерлан. Я согласна. Это большая честь для меня.

Ведь кто я вообще такая, чтобы воротить нос от чудесного мира, который сам протягивает мне руку, и отказываться от самой сокровенной мечты? Кто я такая, чтобы прятаться от своей собственной судьбы? Да и могу ли я, положив руку на сердце, действительно от нее спрятаться? Но зато я точно знаю: чем дольше я сомневаюсь, зависая на полпути, тем больше упускаю возможности быть счастливой.

– Мерлан, скажите, а что мне для этого надо, чтобы быть... – я замялась, – Хранителем Искры? Получится ли у меня?

Мне очень не хотелось всех подвести и не справиться.

Мерлан лишь усмехнулся:

– Ты уже и есть Хранитель Искры, такой ты родилась – и это самое главное! А всему остальному ты научишься со временем. У тебя будет хороший учитель. Один из лучших.

Он наклонился к самому моему уху так близко, что я почувствовала невесомое прикосновение его перьев, и прошептал:

– Не забывай следовать за своими желаниями. Чего хочет женщина – крылатая женщина – того хочет Мир. А камушек, что лежит в твоей руке – это подарок.

– Подарок? – так же шепотом переспросила я и раскрыла ладонь, на которой переливалась, точно подсвеченная изнутри, маленькая жемчужина. Мерлан исчез. А я сунула жемчужину в карман. Потом внимательно изучу свой подарок, без лишних, весьма недоброжелательных, глаз.

Север внимательно проследил за моим движением, но никак на него не отреагировал. Лишь взмахнул крыльями, и все совы, кроме Невены и Эрны, поднялись со своих мест и растворились в туманной дали. Вожак стаи смотрел на меня издалека, будто опасаясь подойти поближе.

– У тебя только один шанс, – строго проговорил он. – У вас обеих. Если что-то пойдет не так – мне придется воспользоваться магией.

Единственный шанс? Вот так новости. Так и знала, что тут есть какой-то подвох.

– Я поняла, Ваша Светлость, – официальным тоном сказала Невена, подняла сомкнутые крылья над головой и поклонилась Северу.

– Если что-то пойдет не так, мы сотрем тебе память, – уточнила Эрна, и мне почудилось, что она будет от всего сердца рада, если это произойдет.

– Мерлан дал добро, – вступилась за меня Невена. – Не каждый день сам Старейшина приглашает в стаю посторонних. Особенно – людей. Думаю, это что-то да значит.

– Это значит только то, что теперь вся стая будет пристально следить за вами обеими! – Эрна, казалось, была готова испепелить своим взглядом Невену. – Мерлану уже Болотный дух знает сколько лет, он древний, как мир – может, случилось страшное и старик просто выжил из ума?

– Эрна, попридержи язык, – осадил ее Север. – Нам пора. Теперь и правда дел добавилось. – Он долгим взглядом посмотрел на Невену – по всей видимости, что-то сказал ей лично, кивнул нам обеим и взлетел. Эрна последовала за ним. Мы остались втроем.

Я обернулась к маме. Все это время она не произнесла ни слова, но стояла где-то позади меня как нерушимая скала, о которую я могла опереться. Мама обняла меня так же молча, не желая нарушать тишину.

– Добро пожаловать, Теа, – услышала я бархатный голос Невены. – Жду тебя завтра. И все вопросы тоже подождут. Сейчас тебе важно отдохнуть и как следует выспаться.

– Невена, подожди... – Сова вопросительно расширила глаза. – Там, среди этого тумана, я думала, что ты меня обманываешь. Я уже почти пожалела о том, что доверилась тебе. И ужасно была на тебя зла. Но я ошиблась. Спасибо тебе. И... прости меня.

– Я того и добивалась, – усмехнулась она, – мне нужно было найти подходящий ключ. Чтобы пробудить в тебе силу, которая долгое время внушала тебе ужас и которую ты прятала

так глубоко, что простыми уговорами до нее было бы не добраться. Это мне стоит попросить у тебя прощения за то, что не нашла другого пути. Но все было не зря. Так или иначе, но мы делаем лучшее из возможного, даже если нам хочется думать иначе.

Ох, мне бы очень хотелось, чтобы все было действительно так.

– Невена, меня волнует еще один вопрос. Мне нужно еще что-то сделать для... – я замялась и на мгновение взглянула на маму, – для тех, кто остался там? – я неопределенно махнула рукой вниз. – Или все уже и так в порядке?

– Обязательно нужно.

Я вскинула брови вверх, ожидая ее указаний. Мама едва заметно улыбнулась.

– То, что тебе нужно по-настоящему – это научиться уважать путь другой души. Без этого, даже став полноправным Хранителем Искры, ты никому не сможешь помочь.

– Но как так? Разве я не уважаю?

– Нет. Ты жалеешь. И жалость возвышает тебя над другими. Твой же дар – возвышаться над обстоятельствами, чтобы видеть шире и глубже – за пределами условностей и человеческой боли. Твой дар – любить, а не жалеть.

Что я могла сказать в ответ? Только молча кивнуть. И надеяться, что однажды я смогу понять разницу.

Глава 6. Точка

– Как же здорово, что ты оказалась тут, – сказала я, укладывая велосипед в багажник маминой машины. Пройдя всего несколько минут по лесу, я так сильно устала, что даже не могла себе представить, как бы добиралась до дома самостоятельно. Из последних сил я плюхнулась на переднее сиденье, вытащила из рюкзака спасительный термос с крепким сладким чаем, приготовленным мамой еще утром, сделала пару глотков, ощущая, как теплая волна, растекаясь внутри, возвращает меня к жизни. Я вдруг почувствовала себя невероятно счастливой. Протянув маме чашку, я улыбнулась:

– Спасибо тебе... за все.

– Там еще есть бутерброды, – она кивнула на мой рюкзак.

– Как ты услышала, что я тебя звала?

Мама вырулила на шоссе, которое было полно автомобилей, мчащихся по своим делам. Тихий и размеренный совиный мир остался где-то в лесу, за нашими спинами. Был ли он на самом деле? Или только привиделся?

– Я всегда тебя чувствую, Теа. Вчера впервые пропадала связь – наверное, это из-за Болота. Никогда не знаешь, что оно учудит. А сегодня я услышала твой крик – и сразу примчалась, – она коротко взглянула на меня.

Мне хотелось говорить с мамой, рассказать ей о том, что со мной происходило, задать целый ворох вопросов, но слова застревали на полпути, утрачивая необходимость быть произнесенными вслух, растворяясь в ирреальности, эфемерности всего случившегося: со мной однозначно что-то произошло, но что именно – было невозможно описать словами.

– Просто позволь новому прорасти и окрепнуть внутри тебя. Придет время – и все станет ясно.

Я кивнула, благодарная за такое простое решение, предложенное мамой, а еще больше – за то, что она меня понимает и мне не нужно ничего ей объяснять, по крупицам выживая из небытия слова и смыслы.

До дома мы доехали в тишине. По дороге я с удивлением обнаружила, что уже наступил вечер, а весь наш дом, по самую остроконечную башенку, теперь утопал в сумерках, с каждым мгновением все больше теряя свои очертания. Лишь свет фонарей, там и тут скользящий по его деревянным бокам, возвращал дом к жизни. Я зябко поежилась от скребущего на душе подозрения, и, войдя вовнутрь, поскорее растопила камин и зажгла россыпь огоньков на стене – гирлянду с лампочками теплого желтого света, наполнявшего гостиную особым уютом и умиротворением. Ну вот, теперь можно было, набравшись смелости, взглянуть на часы и на дату в телефоне. Больше всего на свете в этот момент я боялась узнать, что с того времени, как я распрощалась с мамой утром, прошло *слишком много* времени, гораздо больше чем, пара-тройка часов, которые, по моим ощущениям, я провела на болоте.

Мама заметила мое волнение и тихонько хмыкнула:

– Да все в порядке. Просто на Болоте время течет по-другому.

– Быстрее, чем обычно?

– Нет. Не быстрее, не медленнее, а просто по-другому. Иногда – волнами, а порой вообще странными замысловатыми переплетениями. Постепенно ты научишься с ним ладить.

Я выдохнула с облегчением. К тому же день оказался ровно тот, что начался с утра, ну а то, что внезапно наступил вечер – не так уж и плохо, по большому счету. Сейчас мы с мамой поужинаем и, как у нас это заведено, заварим душистый чай, сядем у камина и во время неспешной беседы будем бережно собирать разноцветные бусины событий на нить уходящего дня.

Мы устроились перед камином, каждая в своем кресле. Обернувшись крыльями и вытянув ноги поближе к огню, я любовалась тем, как по гостиной порхали отсветы пламени, создавая причудливые очертания теней.

– Мам, а ты тоже проходила подобное... ммм... знакомство с Болотом?

– Да, – кивнула она задумчиво и на несколько мгновений погрузилась в свои мысли. – Но не совсем. Каждый попадает в свою персональную трясику: болото хранит память обо всем, что было, но каждому своему гостю оно открывает ровно то, что именно ему мешает идти вперед.

– А то, что происходит внутри Болота, – это правда? Ну, то есть происходит на самом деле?

– И да, и нет. Больше всего это похоже на очень правдоподобный сон. Просыпаясь, ты понимаешь, что всего прожитого совершенно точно не было наяву, но вместе с тем после твоего пробуждения реальность стала совсем другой – потому что во сне необратимо изменился ты сам.

Мама повертела в руках чашку, зажмурившись, сделала глоток и продолжила:

– Болото говорит образами, символами – на языке, понятном его гостю. Никогда нельзя точно сказать, насколько увиденное реально и из какой реальности оно родом, ведь его невозможно пощупать, потрогать, только воспринять на уровне чувств и состояний – и уж в их-то реальности, к счастью, можно не сомневаться.

– То есть то, что я видела, – это правда, но только для меня?

– Да, это отражение того, что есть у тебя внутри, и того, как ты видишь и воспринимаешь мир вокруг. Но ты – это часть целого, и потому все, что целое видит твоими глазами, для него тоже – правда.

– И тогда получается, что, если там, на Болоте, или, допустим, во сне, что-то поменялось в моем восприятии, то оно поменялось на самом деле?

– Поменялось твое состояние и вслед за ним – крошечный кусочек твоей реальности. Но никто не знает, какие изменения могут произойти вслед за одним-единственным взмахом крыла малюсенькой бабочки. На Болоте этот взмах будет ошутим гораздо быстрее и сильнее, чем где бы то ни было, – просто потому что Болото находится у самой Границы. И ткань, из которой оно состоит, очень отзывчива к любым переменам.

С наслаждением потянувшись в кресле, мама допила свой чай, и произнесла почти шепотом, будто по секрету:

– Среди всех живущих, таких вот крылатых бабочек, что вершат наши общие судьбы взмахом своих нежных крыльев, есть те, кто на полотне витиеватого кружева из переплетенных реальностей, то есть на территории Междумирья, чувствуют себя дома. Они понимают язык Болота и даже слышат биение сердца нашего мира, которое, поговаривают, таится где-то в глубине болотной топи. По велению этого сердца они могут распутывать лишние узелки, выбивающиеся из гармонии единого полотна, могут освобождать застрявшие на Границе души и даже создавать новые узоры, заплетая нити по своему усмотрению. Это и есть магия. Одно слово, одна мысль, одна выпущенная на свободу душа, потерявшаяся на Границе – и мир уже становится другим.

– А ты теперь не одна из них?

– Моя душа по-прежнему связана с Границей, это моя природа, и мне никуда от нее не деться. Только теперь я полностью принадлежу *этому берегу*, а мое сердце – живым людям. И могу открывать дверь в Междумирье только во внутрь, на сторону жизни. Я слышу Болото, но не могу ему ответить.

– И ты не жалеешь? – осторожно спросила я. Сердце мое, непослушное, вопреки завету Невены все же сжалось в комок и дрогнуло от жалости.

Мама усмехнулась и пожала плечами.

– С одной стороны, после расставания с крыльями я чувствую, будто у меня связаны руки или, скажем, пропал голос. Я часто вижу потерянные души во снах, они приходят за помощью. Знаю, что должна им помочь, но не могу, потому что не в силах подобрать слова, чтобы объяснить им, что надо делать. По ночам я слышу зов Болота и иногда даже плач – и не могу отличить, чей голос тоскливо звенит в моем сердце: самого Болота или же это плачет моя душа, горя о невосполнимой утрате, об обрезанных крыльях и о не выполненном долге. Это все так, да. И это действительно не просто. Но с другой стороны – я сделала свой выбор. И получила то, что хотела.

– А как же твоя несбывшаяся мечта?

– Летать? – она улыбнулась. – Свою мечту я обменяла на жизнь среди людей и человеческое счастье. И я не знаю, что было бы, если бы я выбрала другое. Вполне может быть, что я так же горевала бы о том, что струсилась и не обрезала крылья, что пошла против веления своего сердца. Я правда не знаю. Но все уже произошло так, как есть. Это не изменить и не исправить – да и стоит ли? Можно всю жизнь спорить с Судьбой, сожалея, а можно согласиться и взять жизнь по такой цене, что мы за нее заплатили. Да, я дорого заплатила за свою жизнь. Но тем дороже она для меня, понимаешь?

Мне казалось, что я понимаю, и я кивнула. Хотя как я могла понять, если ни разу не ходила по свету мамиными тропами? Она тем временем продолжала говорить:

– Жалость, как совершенно справедливо указала тебе Невена, – это разрушительное чувство, которое не приносит ничего, кроме глупого тщеславия, основанного на иллюзорном всемогуществе. Ты думаешь, будто знаешь, как должно было быть, и тебя начинает одолевать сожаление о том, что ты мог поступить по-другому. Ты начинаешь жалеть себя и теряешь силы, а твоя уверенность и радость жизни вдруг утекают, как вода сквозь решето. И счастье, если однажды ты все-таки осознаешь, что не мог пойти по другому пути. Мог бы – обязательно бы пошел, сумел, решил, справился.

Мама смотрела на огонь, но на самом деле – в глубину своего сердца. Ее слова разрезали тишину, как резкие взмахи острого меча, и были полны уже знакомой мне силы, той самой, что стоит за спокойствием и уверенностью в своей правде, той силы, что в дребезги разбивает сладкие иллюзии и озаряет светом ясности тьму неведения. Она была в эти минуты необычайно красива – словно сама ее сила, раззадорившись, стала вдруг видимой глазу и теперь танцует отблесками пламени на ее лице.

– Или, например, влекомый жалостью, – продолжала она, – начинаешь считать, что знаешь, как правильно для другого человека. Будто у него самого не достает ума или храбрости, чтобы жить счастливо. – Мама нахмурилась и, решительно встряхнув головой, произнесла:

– Вместо жалости и правда стоит научиться уважению. Стоит научиться признавать силу того, кто по идет по своему пути, и склониться перед этой силой в почтении. Даже если идущий – это ты сам.

– А как же сочувствие? Способность сопереживать? Или это также всего лишь признаки тщеславия? – проговорила я запальчиво, потому что какой-то важный кусочек мозаики ускользал от меня, а потому я начинала злиться, не соглашаясь выпускать из рук привычную картину мира. – Невена сказала, что жалея человека, я не смогу ему помочь. Но ведь если ты не сопереживаешь – как ты можешь понять другого? Да и во что превратится мир без сочувствия? Как мы сможем жить в единстве, не обращая внимания на переживания тех, кто рядом?

– Да, сочувствие помогает и понять, и помочь другому, ты права. Но жалость и сочувствие – это разные вещи. Жалость мешает смотреть на другого открытым сердцем, ее глазами не увидеть суть. Жалость – это малодушие. Боль другого для жалеющего невыносима, а потому искреннего сочувствия от него ждать не стоит. Жалея тебя, я стала глуха к твоему горю, как будто его и вовсе не существует. В слепой попытке уберечь тебя от твоей тяжелой, как мне казалось, судьбы, я не видела того, что происходит с тобой на самом деле.

Поднявшись с кресла, она подкинула дрова в камин, затем села на пушистый ковер поближе к огню и позвала:

– Иди-ка сюда.

Я послушно опустилась на пол, мама притянула меня к себе. Свернувшись калачиком у ее ног, я положила голову ей на колени, и она, бережно укутав пледом всю меня целиком, провела рукой по моим волосам, плечам, по спине.

– Вместо жалости можно помочь другому увидеть свою силу. Можно просто быть рядом. Держать за руку, обнимать и говорить: «Я верю в тебя, я знаю, что ты справишься, что ты сможешь пройти свой путь и обрести на нем свои сокровища». Я бы хотела услышать что-то такое от своей мамы, когда стояла на распутье. Этого не произошло, но зато теперь я знаю, как это важно, и могу сказать эти слова тебе. Ты справишься, Теа. У тебя все получится. Я на твоей стороне, что бы ты ни выбрала и куда бы ты ни пошла. Я верю в тебя.

Она замолчала и смахнула подступившие слезы. Я тоже плакала – от неожиданного счастья, что свалилось на меня в эти дни.

– Я даже не надеялась, что ты вернешься.

– Вернусь? Откуда? – удивилась мама.

– Когда я провалилась в болото, я увидела тебя и папу за стеклянной стеной. Я видела, что ты не можешь его отпустить. Я там тоже была, маленькая. Ты была мне очень нужна, я звала тебя, кричала, очень хотела тебя оттуда забрать.

Мама молчала. Я слышала, как она роняет слезы.

– Наверное, так было. Раньше, – сказала она, глубоко вздохнув. – Но теперь все изменилось. Я будто очнулась ото сна и увидела тебя. Ты живая, ты рядом, и я могу еще многое для тебя сделать – во имя нашей с папой любви, ведь ты это наше продолжение, его продолжение. И мне так жаль, Теа, что я этого раньше не поняла. Знаешь, сегодня я оказалась на Болоте впервые за много лет. И там со мной произошло нечто особенное. Ты меня звала, а я никак не могла тебя найти. Бродила по лесу, по краю болота. Совсем отчаявшись, я позвала на помощь твоего папу... И, можешь себе вообразить, я так явно ощутила, что он рядом! И всегда был, представляешь? Потому что я его люблю всем сердцем. Я вдруг поняла, что любить – это вовсе не значит умирать вместе, это не значит запрещать себе жить, если любимый умер. Наоборот! Это значит во что бы то ни стало жить и беречь в своем сердце любовь. Так она продолжается. Так *он* продолжается. В память о твоем папе, Теа, я просто обязана передать нашу любовь тебе! Вот что я осознала – и только тогда смогла тебя найти.

– Так это были твои слова? – Я перевернулась на спину, чтобы увидеть мамино лицо. Она смотрела на меня с изумлением. – «Любить – это не значит умирать вместе». Эти слова помогли мне выбраться из тумана на поверхность.

Мама убрала с моего лица непослушную прядь волос и, задумчиво улыбаясь, тихонько сказала:

– Вот как?... Болото дает шанс обрести то, что действительно необходимо. Оно было очень щедрым ко мне – несмотря на то, что я от него отвернулась.

– Нам обоим подарило, мам.

Я взяла ее за руку и посмотрела ей прямо в глаза, озаренная внезапной догадкой:

– А что, если ты для него до сих пор – ценная и любимая? С крыльями или без – это не имеет значения, потому что ты – навсегда его часть? Что, если оно не корит тебя за предательство, не наказывает, не выгоняет из своего сердца? Может, и предательства никакого и не было?

Она усмехнулась, но ничего не сказала. Я перевернулась на бок, натянув плед на самый нос, и задумалась о красоте замысловатых узоров, что выплетает жизнь своей невидимой глазу, но такой мощной рукой, от которой не спрячешься и не убежишь, потому хотя бы, что ты – всего лишь нить в ее руках. Захочет она – заплетет тебя на свое усмотрение, не спрашивая.

Но если захочешь ты – сможешь сам создавать кружева из данной тебе судьбы, не дожидаясь, пока это сделает кто-то другой. Да уж, нет ничего интереснее, думала я, чем вить веревки из собственной судьбы! Думала – и смеялась над получившейся игрой слов, но смех мой уже звучал где-то далеко, на границе между сном и явью. Мамины нежные руки, тепло камина, навалившаяся усталость сделали свое дело – я задремала.

Сон мой был безмятежным и невесомым, полным тепла и нежности, которая обволакивала меня, напитывала досыта, истекая из самого сердца Большой Матери, что бережно держала меня, крошечную, на своих огромных ладонях, тихонько смеялась и шептала о том, как же ей повезло, что у нее есть я. Что есть кого любить («Всем своим сердцем!») и кому дарить свою нежность («Просто так, потому что ее так много!»), что без меня ее нежность перегорела бы («Точно тебе говорю!»), растаяла словно дым («Раз – и нет!»), оставив одни только воспоминания, но зато теперь («Какое счастье!») ее любовь может гореть ярко, освещая и согревая нас обеих и всех, кто рядом.

Сон ли это был, или доносившиеся до меня мамины слова – мне было неизвестно. Но мне было так хорошо, как никогда прежде, а потому – какая, в самом деле, разница? Я была совсем маленькой девочкой, что качалась на руках Большой Матери, крепко прижимавшей меня к сердцу. Потом эти руки подхватили меня, осторожно перенесли в наш дом и ласково уложили на мягкий ковер перед камином: приоткрыв едва-едва один глаз, я узнала нашу гостиную и тут же снова провалилась в сновидение, не желая выпускать его из-под ресниц.

Я была по-прежнему малышкой, что лежала на коленях у мамы.

«Мамочка, – говорила я, – вот она я, на твоих коленях, склоняю голову перед тобой. Я такая же, как и ты. Только ты большая, а я маленькая».

Я видела шрамы на ее изящной спине, ее открытый взгляд и огромное, распахнутое мне навстречу сердце.

«Как же много в тебе силы! И невероятной красоты, мам. Как много в тебе красоты!»

Я видела перед собой обыкновенную женщину, несовершенно, уязвимую, но такую живую, настоящую и близкую. И сколько же в ней было искрящейся силы, лучистой нежности и несгибаемой воли!

«Я горжусь, что именно ты – моя мама».

Глава 7. Сумеречная тропа

Утром я проснулась от смутной тревоги. Когда пришла в себя окончательно и сообразила, в чем дело, мне оставалось только сокрушенно уронить голову на руки и ругать себя за невнимательность. Невена сказала, что ждет меня «завтра», но я почему-то не уточнила, когда именно – видимо, так сильно ошалела от всего произошедшего. И теперь ломала голову, вспоминая подробности вчерашнего дня, чтобы найти хоть какую-нибудь подсказку. Прийти не вовремя означало проявить неуважение, а этого я никак не могла допустить.

Закутавшись в плед, я распахнула окно и уселась на подоконник. Мне нужно было хорошенько подумать, а свежий утренний ветер в этом вопросе – один из лучших помощников. Передо мной простирался осенний лес, разукрашенный золотом, ветер трепал его редкие макушки, а где-то там, в самой его гуще, обитали два существа, что неожиданно стали так дороги моему сердцу.

Мне представилось, что я иду по краю болота и земля под моими ногами постепенно теряет свою плотность. Я останавливаюсь и смотрю в бесконечную даль, на пушистый ковер, сотканный из мхов и низких кустарников, на обернутые зелеными покрывалами кочки и старые поваленные деревья. Пахнет багульником и сыростью. Стоит такая тишина, будто кажется, что время замерло и боится пошевелиться, чтобы ненароком не спугнуть хрупкую гармонию, словно бабочку, присевшую на край тоненького цветка.

«Помоги мне понять, – сказала я про себя, – дай мне знак. Пожалуйста. Мне очень надо прийти вовремя».

Моя просьба была странной, нелепой, но у меня не было никаких других идей. Болото приняло меня вчера. И если я теперь его часть, то, быть может, оно сможет меня услышать и помочь? Или, наоборот, это я смогу услышать его и понять, почувствовать, догадаться?

Но ничего не происходило. Что ж, оставалось просто ждать и надеяться на чудо.

И оно случилось.

Я уже собиралась спуститься вниз и хотя бы попытаться впахнуть в себя завтрак, но тут в комнату, с шумом распахивая створки еще не закрытого окна, влетел Вереск, появившийся буквально из ниоткуда.

– Ох, – только и сказала я.

Вереск мягко опустился на стол.

– Как я тебе рада! – затараторила я на радостях, с трудом сдерживаясь, чтобы не расцеловать пернатую макушку. – Представляешь, я уже не знала, что и придумать! А тут как раз ты!

Золотые глаза озадаченно моргнули, пронзили меня насквозь долгим внимательным взглядом.

– Не стоит волноваться, – сказал он. – Я как раз и прилетел, чтобы сообщить тебе время встречи. Вернись за тобой вечером, сразу после заката. Я тебя провожу. Первое время без проводника на Болоте может быть опасно.

– А это не опасно для тебя – летать туда-сюда? Я могу и сама добраться, – встревожилась я, памятуя о ястребе, что поранил Вереску крыло.

– Не опасно. Сейчас увидишь, почему.

Взлетев со стола, он завис в воздухе, взмахивая крыльями. Кивнул мне на прощание и был таков. То есть вдруг исчез прямо у меня на глазах!

Так вот оно что. Почему же тогда он не смог улететь от ястреба, если умеет вот так исчезать? Я задумалась, перебирая в уме всевозможные догадки, ни одна из которых не казалась мне правдоподобной. И вовремя спохватилась: чуть не забыла о важном!

Распахнула окно и позволила взгляду утонуть в гуще леса. Где-то там, за деревьями, таилось необъятное и непостижимое место. Не так уж важно, Болото ли откликнулось на мою

просьбу о помощи или Вереск прилетел ко мне сам по себе – поблагодарить все равно не помещает.

– Спасибо, – сказала я вслух, глядя в лесную даль. И тут же вспомнила о своем подарке. Как я могла забыть?! Нашупала в кармане толстовки припрятанную жемчужину, убедилась, что она мне не привиделась и по-прежнему красиво переливается, будто подсвеченная изнутри. Поднесла ее поближе к глазам и заметила в самой ее середине крошечную дырочку – как раз для того, чтобы в нее можно было продеть нить. Не долго думая, развязала шнурок с подвеской-уточкой, нанизала на него еще и жемчужину и повесила оба сокровища на шею. Что же это за подарок такой? От кого? И по какому поводу? Надо будет расспросить Невену.

– Спасибо, – еще раз прошептала я, приложив руку к груди.

* * *

Как и обещал, Вереск явился, когда по городу уже разливались синеватые сумерки. Земля, умиротворенная и насытившаяся еще одним прожитым днем, выдыхала чуть теплым ветром – и от ее дыхания рождались на свет причудливые ключья тумана, пугливые, как дикий зверь, и столь же равнодушные к человеку. За спиной у меня уже висел рюкзак с термосом и бутербродами, с горячим чаем и запасной теплой одеждой. Я положила с собой еще и пакет с платьем, пусть оно будет моим талисманом.

Когда я устремилась к велосипеду, Вереск, сидевший на перилах крыльца, меня остановил:

– Мы пойдем другим путем, чтобы не терять время.

Другим путем! Сердце радостно затрепетало, предвкушая дополнительное приключение.

– Пойдем через лес, – уточнил он.

Лес начинался сразу через дорогу от дома. Сумерки уже наполнили его до краев, оставив на память об уходящем дне только тусклые отблески рассеянного света на стволах деревьев да россыпь крошечных капель росы на траве. Вереск летел первым, я следовала за ним. Наши перемещения больше походили на плетение заковыристого узора из наших следов, чем на прогулку по лесу. Мы двигались и вперед, и в противоположном направлении, и неожиданно сворачивали в сторону. Если бы я не знала, куда мы идем, я бы решила, что Вереск хочет меня запутать и сбить с толку. Впрочем, это у него вполне получилось.

В лесу совсем стемнело, и окружающий нас сумрак заставлял меня дрожать не то от холода, не то от неясной тревоги. Вереск был сосредоточен и отвечал на мои вопросы нехотя, поэтому я молчала, чтобы его не отвлекать, и, собрав волю в кулак, старалась не думать об опасностях, которые могли подстергать нас на каждом шагу.

– Со мной ты в безопасности. – Вереск неожиданно нарушил тишину. – Но будет лучше, если ты все же подумаешь об успешном окончании нашего пути, а не о бесчисленных препятствиях.

Ох... Все же я думала непозволительно громко и совсем не о том. Произведя над собой титанические усилия, я сфокусировала все свое внимание на дороге и продолжала разгадывать тайну геометрии наших перемещений. Хорошо, что луна или звезды, или же отсвет от городских фонарей – среди высоких темных деревьев было не разобрать, где находится источник света – позволяли мне видеть перед собой достаточно сносно. Я уже запыхалась и довольно сильно устала и потому мечтала поскорее оказаться рядом с озером, на песчаном утесе среди обнаженных корней старых сосен. Замечтавшись, я не сразу заметила, что тусклый свет под ногами превратился в хорошо заметное голубое сияние, обозначающее путь. Я не могла отвести глаз от этой загадочной тропы, взявшейся из ниоткуда, и, затаив дыхание, пристально следила за всеми ее извилинами и поворотами. До тех пор, пока свет так же неожиданно не исчез, как и появился, а я не вздрогнула от звука голоса, вернувшего меня в реальность:

– Спасибо.

Вереск опустился на оголенный корень сосны – тот самый, который я рисовала в своем воображении.

– За что спасибо? – удивилась я. И только в этот момент поняла, что мы уже на месте.

– За то, что не позволила твоему страху сбить нас с пути. Говорят, с новичками на Сумеречной тропе такое вполне может случиться.

– Эх, так и знала, что я тебя отвлекаю, – выдохнула я с сожалением и примостилась с ним рядом.

– Но зато потом ты мне очень даже помогла. Заметила как быстро мы в итоге оказались здесь?

– Я была зачарована сияющей дорожкой, по которой мы шли, и даже не поняла, что произошло.

– Сияющей? – переспросил Вереск и задумчиво хмыкнул. – Похоже, так выглядит Сумеречная тропа в твоих глазах.

– А разве ты видишь ее по-другому?

– Я вообще ее не вижу. Просто лечу туда, куда мне требуется. Сумеречные тропы прокладывают между волокнами мироздания через тьму неизвестности, потому они и называются сумеречными. Это быстрый способ перемещения, которым пользуются Стражи.

Мне хотелось еще что-то спросить, но я умолкла и склонила голову в знак приветствия: на утесе появилась Невена и приземлилась напротив нас. Ее глаза светились тусклым золотистым светом, загадочным и притягательным, от которого сердце мое затрепетало, а по телу прокатилась теплая волна.

– Спасибо, Вереск, – сказала Невена. – Ты можешь лететь.

В ответ он расправил крылья, поднялся вверх и тут же исчез.

– Я рада, что ты здесь, Теа, – сказала сова. – Для всех нас это очень важно. И однажды ты сама узнаешь, насколько. Присаживайся поудобнее и слушай внимательно.

Последовав ее совету, я забралась с ногами на корни сосны, прислонилась спиной к шершавому стволу и стала вслушиваться в негромкий бархатный голос.

– Я понимаю, что для тебя все ново и непонятно, – говорила сова. – Понимаю и твое смятение, и мешанину мыслей из-за неопределенности. Но все придет чуть позже, постепенно уляжется и встанет на свои места, а твои вопросы найдут свои ответы. Не могу обещать, что все, но многие – точно. Твоя сила только пробуждается, и необходимо дать ей время прорасти и окрепнуть. Наша с тобой задача – подготовить для нее почву в срок, а потому каждая минута на счету, ведь дел предстоит много. Для начала тебе надо научиться летать. А потом я смогу познакомить тебя с Болотом, с Границей, провести в Междумирье, чтобы ты вспомнила, как это – быть Стражем, а если нам с тобой очень повезет, то и Хранителем Искры.

Интересно, думала я, разве наша прошлая встреча с Болотом – не в счет?

– Нет, Теа, – сказала Невена в ответ на мои мысли. – В тот раз ты познакомилась с собой, а не с ним. И получила от него ключ к своей силе. Еще один.

Ох, час от часу не легче. Я отчаянно силилась хоть что-нибудь понять, но безуспешно. Чем больше я узнавала о волшебном совином мире, тем поистине бесконечными становились границы моего незнания!

– Посмотри сюда, – она указала на чернеющее озеро. – Прямо перед тобой – все ответы, осталось только перестать судорожно пытаться их заполучить и просто позволить себе знать. Это так же легко, как понимать язык сов. Или видеть в полной темноте. У тебя это уже получается. Просто смотри и слушай.

Мне ничего не оставалось, как послушно взглянуть вдаль. Удивительное дело: я и правда теперь вижу в темноте! Луна или далекие огни тут были совсем ни при чем: небо было плотно затянуто тучами, а город остался далеко позади. И, оказывается, это так же легко и естественно, как сидеть на берегу озера и слушать тишину. А ведь у меня, ко всему прочему,

где-то за пазухой лежит еще и парочка ключей от моей силы – знать бы только, от какой и в каком кармане.

«Просто слушай», – возник внутри голос Невены.

Я кивнула. И стала смотреть вперед, долго и пристально. Сначала мой взгляд утопал в черной бездне озерной глади, потом скользил по смолисто-черным полоскам леса вдаль, нырял в окружающую меня тишину в поисках притаившейся в ней жизни – чтобы, став с ней одним целым, научиться смотреть ее глазами, научиться *понимать*, научиться «*позволять себе знать*». Но жизнь сама нашла меня и вышла навстречу – шуршанием, скрипом, завываниями, одинокими вскриками и едва различимыми голосами, которые становились все громче и отчетливее, обступали меня со всех сторон, окутывали, протягивали мне руку, приглашая присоединиться к нестройному оркестру, следующему за взмахом руки самой природы, за ее неутомимым и щедрым сердцем, задающим ритм всему живому.

«Не бойся своей глубины», – пело мне озеро.

«Ты наша сестра», – шелестели сосны.

«Мы будем летать вместе», – шептал мне ветер.

Конечно, не было никаких слов – просто знание вливалось в мои уши, глаза и сердце, как музыка, и распускалось внутри умиротворением, благодарностью и – тишиной.

«Что за ключи?» – спрашивала я у тишины. А она отвечала, смеясь, что все они уже со мной. Первый ключ – имя, сокровенное, пришедшее из сна. Второй ключ – место, которое помогает вспомнить имя, а друг, что покажет к этому месту дорогу или станет свидетелем происходящих с тобой перемен – третий ключ. Это ключи к памяти, а значит, и к силе.

«К памяти?» – по-детски удивлялась я. Тишина трепала меня холодным ветром по щекам, но от ответа не уклонялась: «Только вспоминая свою изначальную суть, вспоминая о том, кто ты есть, ты можешь обрести силу».

«И что мне с этими ключами делать?»

«Открывать закрытые двери, конечно!» – шуршала тишина уханьем филина. Смеялась звонкими колокольчиками: «Веселиться от души! Жить! Что же еще с ними можно делать?». Взорвалась торжественным аккордом – и тут же рассыпалась по ночному лесу брызгами едва уловимых звуков.

От неожиданности я вздрогнула: Невена перелетела ко мне на колени, наградив меня нежным прикосновением своих крыльев.

– Вот теперь другое дело. Слышать мир – один из самых важных навыков в магии, а для Стражей Междумирья особенно. Тебе он обязательно пригодится.

Я потерла глаза руками, будто очнувшись ото сна. Наклонила голову, уткнулась лбом в пушистые перья и обняла сову рукой.

– Спасибо тебе.

Кому предназначалась моя благодарность? Да наверное всем сразу: и Невене, ставшей моим учителем, и озеру, наполненному живительной тишиной, и лесу, хранящему в себе жизнь. Да и самой жизни тоже – просто за то, что она есть. И за то, что есть я.

– На Болоте ты открыла одну из дверей, – произнесла Невена. – А за дверью нашла то, что дало силу твоим крыльям. Ты помнишь, что это было?

Стоило мне окунуться в воспоминания о болотной трясине – и я почувствовала уже знакомый огонь под кожей.

– Злость? – предположила я.

– Злость – это то, что находится на поверхности. Сотрясает воздух. И только. Настоящая сила – внутри. И когда она внутри, то и воздух сотрясать нет необходимости. Понимаешь, о чем я говорю?

На самом деле, понятного было мало. Но я изо всех сил старалась уловить суть.

– Огонь внутри меня и есть эта сила?

– Именно. Это ярость, Теа. В умелых руках она дарует невероятную жизненную силу, но она же способна разрушать все без разбору, когда выходит из берегов. Ярость – это просто сила, которая питает то, что есть у тебя внутри. Если внутри любовь – она будет пылать яростно и смело. Если страх – он превратится в ужас. Если тоска – то она может обернуться смертью.

Я кивнула: кажется, теперь понимаю.

– Ты ведь ее боялась до ужаса и прятала в самых темных закоулках своего существа. Мне потребовалось приложить немало усилий, чтобы вытащить ее на свет. Ну ты сама знаешь, – усмехнулась Невена. – Ярость так сильно тебя пугала, потому что была необузданна. И не зря: как и любая стихия, она и правда жестока и беспощадна, когда берега слабы и неустойчивы, когда ты забываешь, что это она – часть тебя, а не наоборот. Твоя задача, Теа, – научиться ею управлять. Не подавлять ее, иначе она однажды вырвется наружу и сметет все на своем пути. Тебе необходимо овладеть ею, не допуская, чтобы она владела тобой. Потому что ярость нужна, чтобы летать. Чтобы выбирать жизнь несмотря ни на что и всегда возвращаться на *эту сторону*, куда бы тебя ни занесло в лабиринтах Междумирья. А для Хранителя Искры ярость – основа, на которой замешаны все другие ингредиенты его существа.

Тяжелый вздох произвольно вырвался из груди. Вот бы никогда не подумала, что ярость – основа моей сути. Мне казалось, что я хрупкая и уязвимая, неспособная за себя постоять. Но то, видимо, была другая я, глупая, наивная. Та, которая не любила свои крылья, пряталась от мира и соглашалась жить наполовину. Но я больше не согласна. И мне ничего не остается, кроме как познакомиться с новой своей ипостасью, найти с ней взаимопонимание – быть может, вместе у нас получится что-нибудь интересное?

– Ты всегда была такой, просто не хотела это признавать, – сказала сова. – Ты всегда была способна не только любить истово, яростно, но и так же яростно испепелять. И скажу тебе даже больше: в любом стоящем чародее ярости должно быть достаточно. Не гнева от безысходности, не бессмысленной злости, а мощной жизненной силы, способной менять мир, а разрушать или созидать – это уже второй вопрос. Впрочем, я не собираюсь облегчать твои терзания. Наоборот, хочу чтобы под тяжестью открывшейся тебе правды ты приземлилась с небес на землю, уперлась в нее обеими ногами и научилась от нее отталкиваться.

Невена вспорхнула с моих колен и в полете повернулась ко мне:

– Это совершенно необходимо, чтобы научиться летать.

Повинуясь внутреннему порыву, я спрыгнула на песок, выпрямилась и сказала:

– Я готова.

Но, как оказалось позже, я сильно переоценила свои возможности.

Глава 8. Полет

Обучение полету оказалось гораздо труднее, чем я предполагала. Я была уверена, что, раз уж мне удалось довольно легко выбраться из болотного тумана, крылья мои уже достаточно напитались силой. Но не тут-то было! Они совершенно меня не слушались и лишь безвольно висели за спиной.

– Одно дело – туман, – говорила Невена. – Для Болота ты почти невесомая, теперь же тебе придется иметь дело с силой тяжести.

Хорошо, что луна так и не показалась из-за плотной завесы туч и вокруг нас царила почти кромешная тьма, скрывавшая не только мои крылья от посторонних глаз, но и мой чудовищный позор. Я пробовала взлететь с места, прыгала с утеса, падала снова и снова на холодный и влажный песок до тех пор, пока у меня от безысходности не потекли предательские слезы.

А вдруг ничего не получится? Вдруг с моими крыльями что-то не так? Быть может, они слишком долго висели без дела и больше не способны летать... Эта мысль колоколом зазвенела в моей голове и привела меня в чувство. Ну уж нет! Я не согласна! Если уж мне даны крылья, то они будут летать – и точка. Внутри поднималась знакомая огненная волна, и мне даже показалось, что я стала светиться от ее жара вопреки всем мыслимым биологическим законам, отрицающим всякую возможность такого вот свечения человеческой кожи. Но я вообще-то и не совсем человек! А потому, почти обессиленная, выпачканная в грязи, местами пораненная, но не сдавшаяся, я продолжала попытки подняться в воздух, разгоняя темноту своими горящими яростью глазами. Любопытно было бы в эти минуты посмотреть на себя со стороны! Отличное вышло бы зрелище.

– Крылья – это мышцы, – объясняла Невена, – им нужна хорошая тренировка – и только. Но сам полет – это состояние, и оно определяет, сможешь ты оторваться от земли или нет. Сила духа, непоколебимая воля и способность отталкиваться от обстоятельств, какими бы они ни были – вот что имеет решающее значение. Ты на верном пути. Не стоит избегать трудного и тяжелого, Теа. Оно служит топливом для твоей силы, а для полета ее требуется очень много. Сила растет от приложенных усилий, а вслед за ней приходит и легкость. Все получится легко, когда силы станут достаточно.

Ее слова находили отклик в моей душе, я знала, что они верные и мне совершенно необходимые, но все равно пока это были всего лишь слова. Убедиться в них на своем опыте у меня никак не получалось.

В таких вот безуспешных попытках совершить невозможное прошло несколько дней, я уже сбилась со счета, сколько именно. В светлое время суток я продолжала жить, как прежде: с головой уходила в работу, вдохновенно занималась переводами, облекая чужие истории в новую форму, предоставляя им возможность с этой новой формой обрести и новую жизнь. А вечерами придавала новую форму себе – приходила к озеру и снова и снова под руководством Невены иступленно пробовала взлететь. Это всего лишь тренировка, твердила я себе, сразу и само по себе ничего не происходит, за любым чудом стоит тот, кто вложил в него душу и сделал все возможное, чтобы оно произошло – и я продолжала трудиться.

Иногда мне удавалось продержаться в воздухе пару секунд. Всего лишь пара секунд! Но эти мгновения были для меня самыми важными, я хваталась за них, как за спасительную соломинку. Они служили мне опорой и были каким-никаким, а все же трофеем, добытым в честном бою. Они стали для меня искоркой, из которой при должном умении можно было разжечь настоящее пламя. И я бережно держала ее в руках, боясь упустить с таким трудом доставшуюся мне награду.

Невена говорила, что мне просто нужно время. Она не хвалила, не подбадривала, а просто смотрела на меня своим особенным взглядом, полным спокойствия и уверенности, и мне

этого было достаточно. Главное – она меня не жалела. Это придавало мне сил, чтобы отмахиваться от то и дело подкрадывающихся сомнений.

Но больше всего мне помогало присутствие Вереска. Когда мне было особенно трудно, он помогал мне сохранять веру в себя, не давал ни на миг погрузиться в отчаяние, превращая мои непростые уроки в настоящее приключение. Он всегда был безупречно серьезен, когда дело касалось моих, даже самых незначительных достижений, но частенько умудрялся будто невзначай меня рассмешить, когда во мне начинала зарождаться хотя бы крошечная тень уныния. Он умел так лучезарно улыбаться одними глазами, что все тени – и уныния, и сомнений – тут же прятались по углам. Он разделял со мной и неудачи, и радость маленьких побед. Вереск, мой мудрый и строгий проводник по Сумеречной тропе, стал за эти вечера, проведенные вместе, моим настоящим другом – первым и единственным настоящим другом.

Наши путешествия через лес проходили с каждым разом все быстрее, а тропа, сияющая под моими ногами голубоватым светом, все быстрее откликалась на мой зов. Возможно, благодаря тому, что во мне постепенно что-то менялось, выстраивалось, приходило в порядок благодаря ежедневным тренировкам силы воли, на которые мое обучение в то время походило больше всего.

Обычно я тренировалась до тех пор, пока, обессиленная, не падала прямо на землю. Чтобы перевести дух, я закутывалась в крылья, наливала себе сладкого чаю из термоса и с предвкушением ждала заслуженной награды – долгих разговоров по душам с Вереском и Невеной, которые терпеливо отвечали на мои многочисленные вопросы, порой глупые и наивные.

– Вереск, сколько тебе лет? – спросила я в ответ на его очередное высказывание, подозрительно, до неприличия, мудрое.

– По человеческим меркам я немного постарше тебя. Но живу гораздо дольше. Нам нет необходимости исчислять время так, как это делаете вы, люди. Стражи Междумирья существуют в своем особенном ритме, в нескольких измерениях с разным течением времени и перемещаются между мирами, по пути теряя представление о своем точном возрасте. Одного взгляда друг на друга достаточно, чтобы судить об опыте, мудрости и способностях в магии, что никаким образом не связано с количеством прожитых лет здесь, в мире людей.

– А сколько вообще живут совы?

– Те, что являются Стражами, ты имеешь в виду?

– Ага.

Вереск перевел взгляд на Невену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.